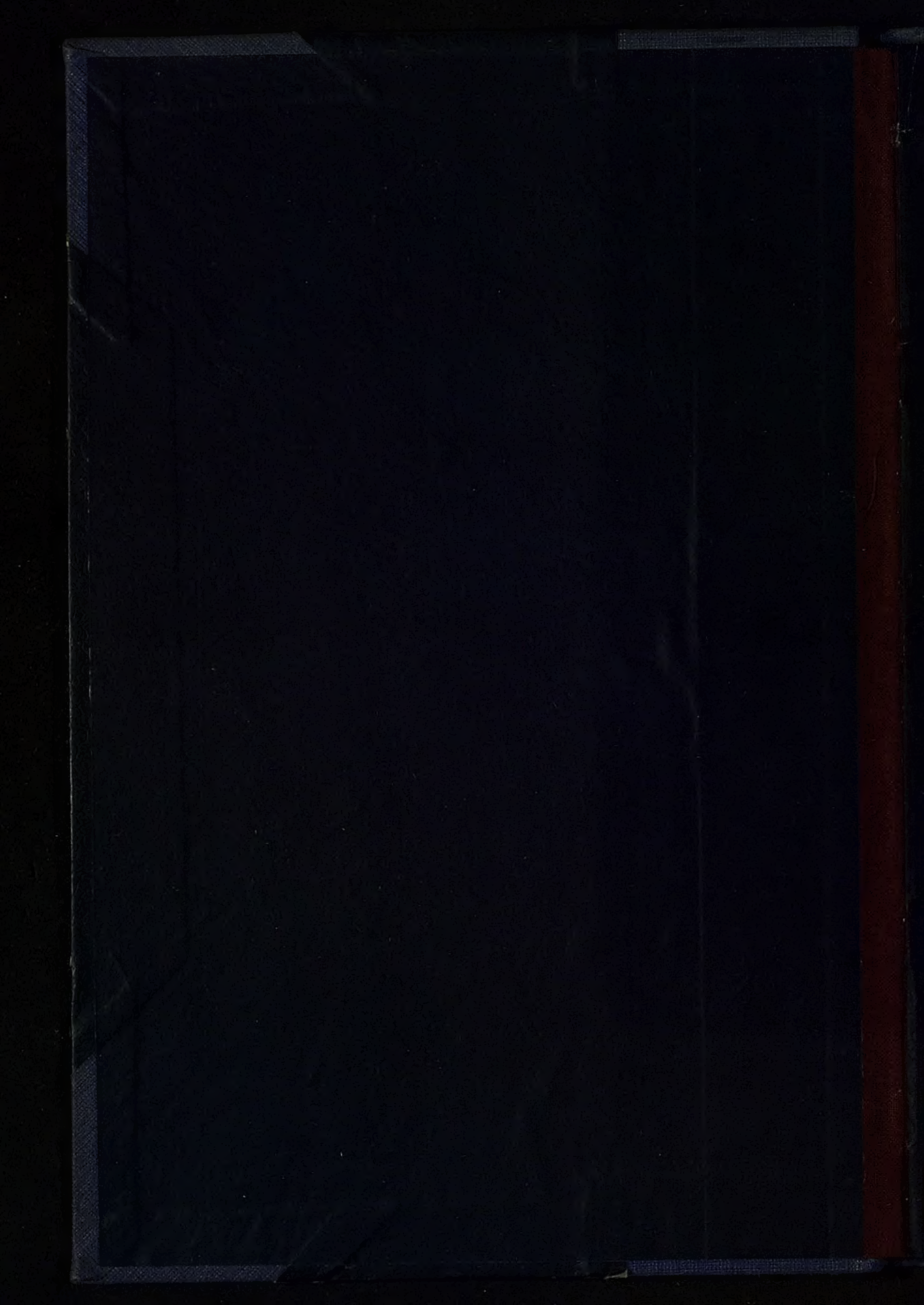
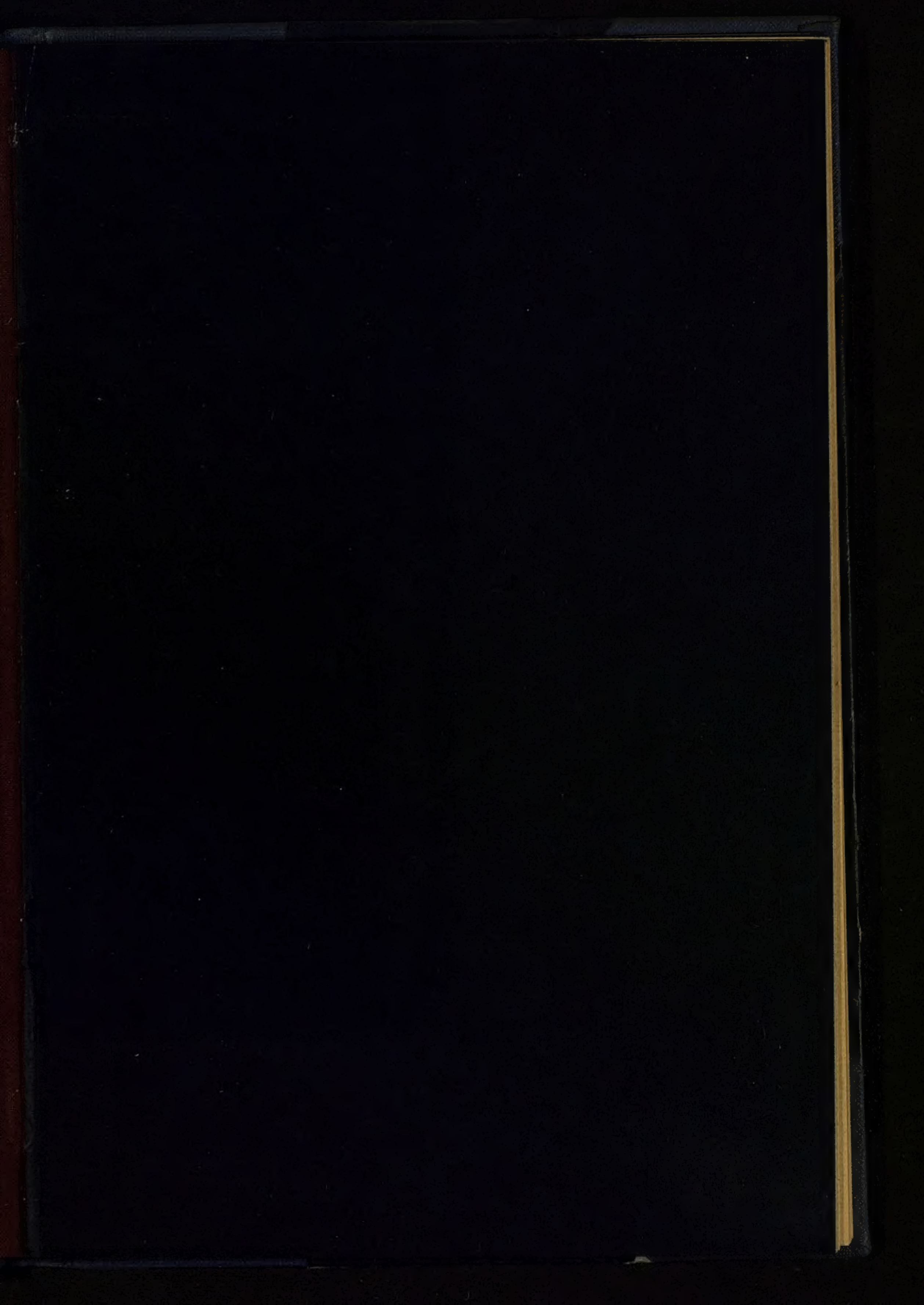
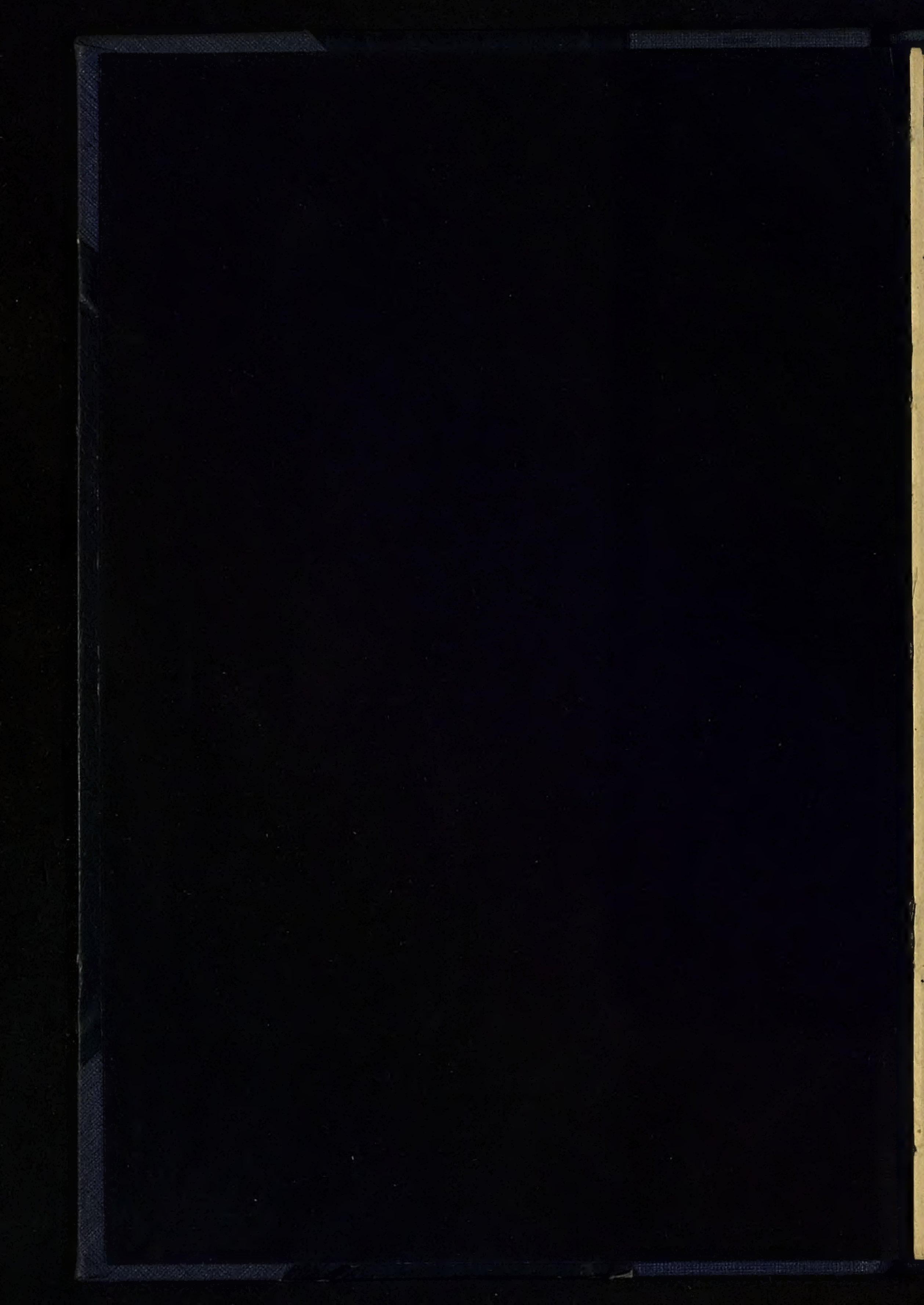
ИТОГИ ГОДОВОЙ РАБОТЫ ЦК ВКП(б)

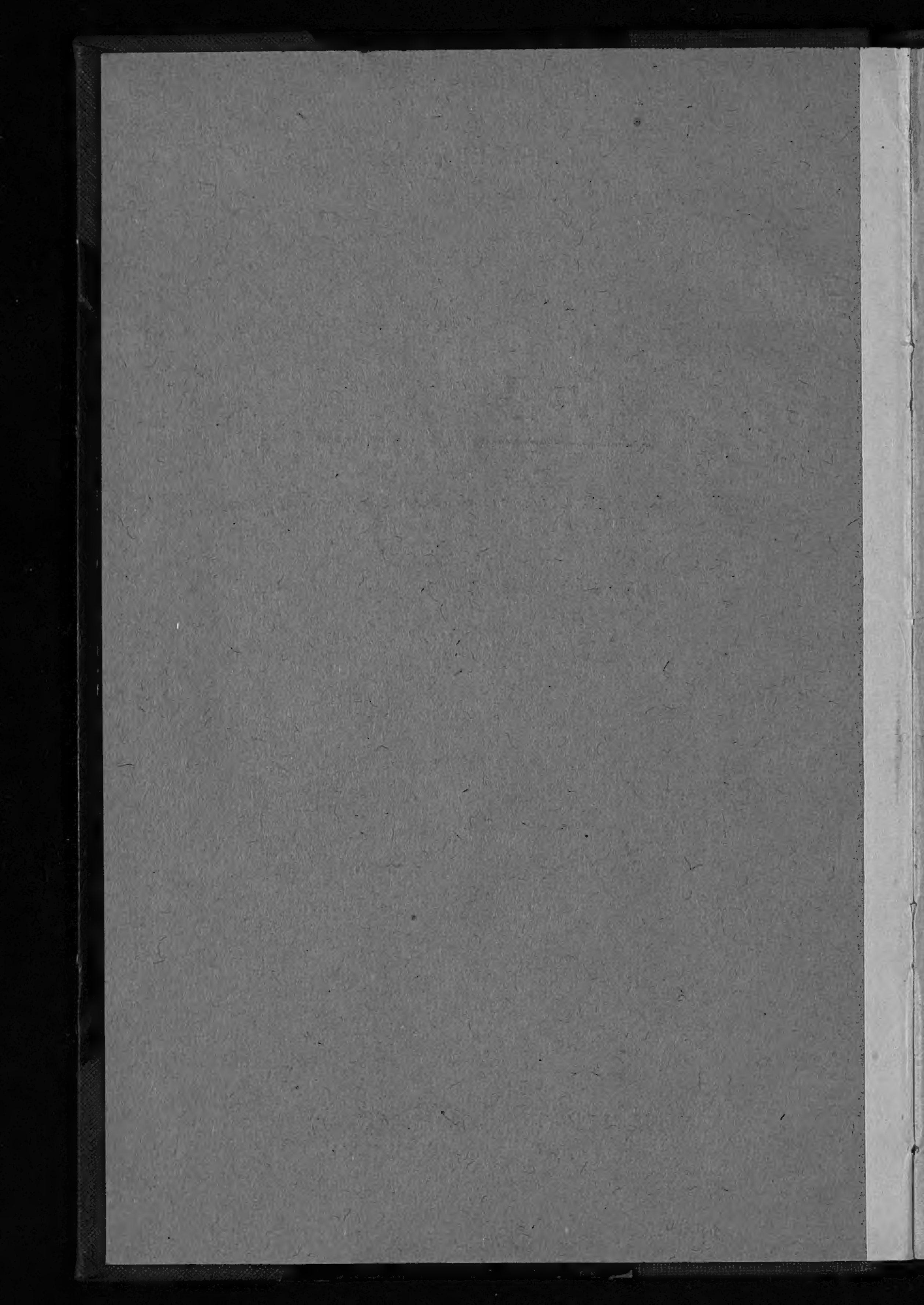

Л. Б. КАМЕНЕВ

ИТОГИ ГОДОВОЙ РАБОТЫ ЦК РКП (б.)

ДОКЛАД НА XIII МОСКОВСКОЙ
ГУБКОНФЕРЕНЦИИ РКП (б.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

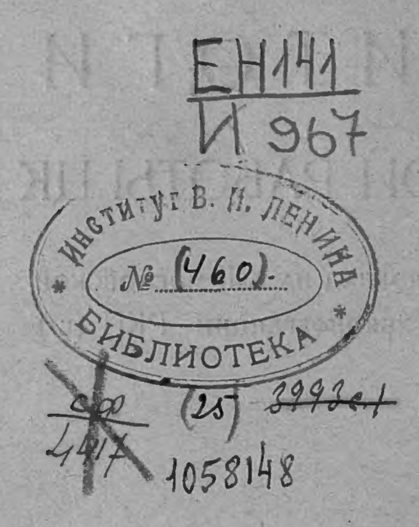
Л. Б. Каменев

ИТОГИ
ГОДОВОЙ РАБОТЫ ЦК РКП(б.)

ДОКЛАД НА XIII МОСКОВСКОЙ
ГУБКОНФЕРЕНЦИИ РКП (б.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 9086. АП. № 130. Главлит № 30.909. Напеч. 20.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата, Москва, Пятницкая, 71.

Основная задача и четыре очередных кампании.

— Товарищи, мы явно для всех вступили в тот период строительства первой рабоче-крестьянской республики, когда, согласно предсказания Владимира Ильича, вопросы экономики стали на первый план. И это понятно. Понятно потому, во-первых, что мы — правительственная партия, партия, на которой лежит ответственность за управление громадной страной, а правительственную партию проверяют не по ее словам, не по ее декларациям, не по ее заявлениям, а по ее делам; во-вторых, потому, что мы осуществляем власть в стране, в которой, благодаря Октябрьской революции, господствующую роль и всеопределяющую роль играют только два класса — рабочий класс и крестьянство. Взаимные же отношения между этими двумя классами равным образом зиждутся не на резолюциях, не на обещаниях, не на словах, а на деловой проверке способности рабочего класса руководить крестьянством, способности рабочего класса строить в союзе с крестьянством такое государство, которое крестьянство предпочло бы государству, построенному на началах капиталистических. Эти обстоятельства и делают то, что вопросы экономики, даже малейшие вопросы экономики, вопросы цен, вопросы товарооборота, вопросы кооперации являются для нас основными политическими вопросами. Как мы увидим в дальнейшем, единственно серьезными политическими вопросами в нашей внутренней жизни и являются эти вопросы о снабжении деревни, о характере производства, о быстроте оборота государственного капитала и т. д. Для того, чтобы оценить деятельность ЦК нашей партии, надо прежде всего ответить себе на вопрос, какие в течение последнего года ЦК ставил себе задачи в этой практической деловой сфере, и как он их осуществил.

Охватывая единым взглядом годичную деятельность ЦК, за которую я перед вами должен отчитаться, я вижу 4 основных практических кампании, которые поставлены были перед нашей партией и перед ее Центральным Комитетом и должны были быть решены в продолжение этого года. Все эти 4 кампании подчинены, конечно, единой цели; эта цель — усиление могущества нашей республики внутри и вне, усиление ее путем укрепления союза между городом и деревней.

Какими же путями в продолжение этого года ЦК осуществлял эту задачу? Эти четыре кампании, на мой взгляд, следующие: 1) постановка и проведение денежной реформы; 2) расширение промышленности; 3) расширение товарооборота между городом и деревней путем, в первую очередь, снижения цен на продукты, производимые нашей государственной промышленностью и потребляемые, главным образом, деревней, и 4) наконец, всемерное улучшение положения крестьянского хозяйства, углубление и расширение крестьянского потребления, а следовательно, и решение вопроса о «ножницах».

Вы видите, что эти четыре задачи целиком встали перед партией ровно год назад. Отнюдь дело не обстояло таким образом, что эти задачи были поняты и поставлены во весь рост в партии без всякой внутренней борьбы. Партия осознала их, поставила их перед собой и решала их в определенной борьбе с теми группами и товарищами, которые иначе понимали эти задачи, которые оказывали известное сопротивление в их решении. Вы понимаете, что эти четыре задачи, вставшие перед нами год назад, отнюдь не представляют собою отрывочных эпизодов, они связаны между собой, они увязаны вместе, увязаны одним основным пониманием очередных задач Центральным Комитетом.

Денежная реформа, расширение промышленности, поднятие крестьянского рынка, расширение товарооборота — это есть иными словами выраженная задача, поставленная перед нами в последних статьях В. И. Это есть конкретное воплощение задачи, которую можно формулировать так: подвести под диктатуру пролетариата, под политическую власть про-

летариата мощный хозяйственный фундамент, в виде мощной, развивающейся крупной машинной индустрии, которая, однако, в нашей стране и в наших условиях капиталистического окружения может базироваться только лишь на все более растущем и развивающемся крестьянском рынке.

Только тогда, когда мы увяжем эту политическую задачу — укрепления диктатуры пролетариата — с этими экономическими задачами воссоздания промышленности и расширения всего крестьянского рынка, только тогда мы сможем проводить правильно те или другие шаги в области практической политики. Тот, кто не понимает этой связи, кто не умеет связать политической задачи диктатуры пролетариата с вопросами крестьянского рынка, с вопросами хозяйства, тот не может работать на укрепление диктатуры пролетариата, тот обречен на то, чтобы делать в этой области ошибки, тот обречен на то, чтобы, может-быть, искренно желая укрепить союз рабочих и крестьян, на самом деле каждым своим практическим шагом этот союз разрушать; а разрушение этого союза или его ослабление означает страшнейший удар по самому фундаменту пролетарской диктатуры, а следовательно, и по мировой революции, которая совершенно правильно и законно видит в успехах строительства рабочих в Советской России гарантию успеха мировой революции. Нельзя нанести большего удара идее мобилизации сил мировой революции, чем неудачами на хозяйственном фронте в Советской Республике. Нет ничего более ужасного для самой идеи мировой победы пролетариата, как если бы попытка пролетариата Советского Союза построить свое хозяйство благодаря тем или другим ошибкам была бы неудачна. Поэтому в вопросах экономики, в вопросах правильной экономической политики мы ставим очень серьезную, очень большую ставку, и ошибка здесь, серьезная, крупная ошибка, была бы непростительной, она была бы, повторяю, сильнейшим ударом по мировой пролетарской революции. Поэтому и ответ на вопрос о том, как же ЦК направлял политику партии в этой области, каковы итоги годовой работы над теми четырьмя основными задачами, которые я указал, приобретает основной характер. Я поэтому, рискуя несколько наскучить вам цифрами, обращусь сейчас

к тем данным, которые дают практическую проверку этого годового экзамена нашей партии и прежде всего ЦК, а затем разберу и те возражения, в борьбе с которыми нам эту политику приходилось проводить.

Денежная реформа.

Первая задача — это проведение денежной реформы. Все те из вас, которые сознательно относились к дискуссиям прошлого года, к тем спорам, которые происходили в этом же зале в октябре, ноябре и декабре 1923 года, когда намечалась эта общая политика, вы помните, что некоторые тт. предрекали нам неудачу денежной реформы. Вы знаете, что это пророчество было свойственно отнюдь не только скептикам и маловерам в нашей среде. Наоборот, скептики и маловеры в нашей среде год назад отражали злобный скептицизм по отношению к денежной реформе всего буржуазного общественного мнения, как западно-европейских буржуазных дельцов и экономистов, так и нашей собственной белогвардейщины. Нам говорили: «Вы не осуществите денежной реформы, потому что у вас дефицитный бюджет, и ваша денежная реформа будет только картинкой для обмана, потому что бюджетный дефицит заставит опять печатать бумажные знаки, и ваш твердый рубль останется «синей птицей», которую вы никогда не поймаете». О бюджетный дефицит в первую очередь должна была споткнуться наша денежная реформа. Нам еще говорили: «При слабости товарооборота, при слабых связях между городом и деревней ваш рубль не выдержит, под ним нет никакой экономической базы». Этими маловерами и скептиками была выставлена формулировка, вдохновителем которой являлся тов. Троцкий, и которая, собственно, обозначала, что нечего строить планов насчет твердой валюты, а надо в первую очередь заняться восстановлением промышленности и этой задаче подчинить денежную реформу. Теперь мы должны оценить споры прошлого года, — споры, о которых Владимир Ильич еще говорил, что теперь их оценка в нашей партии ведется не так, как она велась тогда, когда наша партия не была у власти, и когда проверка должна была производиться не на фактах реальной жизни, не на экономической действительности,

а должна была производиться гораздо более косвенным путем. Владимир Ильич говорил, что одним из громаднейших преимуществ нашей партии в деле ликвидации разногласий является то, что несколько месяцев реальной жизни дают ответ на все вопросы, и надо только уметь эти ответы из живой реальной жизни почерпнуть и честно их выявить.

Итак, кто же оказался прав? Что этот год дал нам в области денежной реформы? Мы имеем несколько способов проверки. Прежде всего, сама денежная масса. Вся денежная масса к 1 января 1923 г. равнялась 117 миллионам. На 1-е января 1924 года мы имели 304 миллиона и, наконец, на 21-е января 1925 года, т.-е. 4 дня назад, общая денежная масса в нашей стране равнялась 731 миллиону червонных рублей (см. диагр. № 1 и таблицу к ней).

Это значит, что мы в течение двух лет ввели в страну не менее 600 миллионов рублей, и что эта сумма денег вошла в денежное обращение таким образом, что усилила народное хозяйство. Эта реформа, несомненно, историками нашей страны и историками пролетарского строительства будет оценена как факт, который до его осуществления трудно было допустить даже теоретически; трудно было предположить, чтобы пролетариат в течение двух лет смог восстановить денежную систему, разрушенную десятилетием гражданской и империалистической войн, чтобы он мог увеличить денежное обращение в 6 раз за 2 года и в 2 раза за год — с 304 до 731 миллиона червонных рублей, дав, таким образом, стране здоровое орудие товарооборота, рабочему классу и крестьянству и всему народному хозяйству — здоровую денежную единицу. Это именно то, в чем сомневались многие, но что является свидетельством того, что пролетариат умеет не только разрушать, но умеет строить и умеет построить даже самый тонкий, развитой механизм буржуазного общества, ибо денежное обращение есть самый тонкий механизм, который был только создан капиталистическим обществом.

Совзнаки заполняли все денежное обращение два года назад. Затем они все больше сокращаются, пока не сходят на-нет. Вступает в силу червонец. Он играет малюсенькую роль два года назад. Затем систематически расширяется и заполняет всю площадь. К этому червонцу мы начинаем

прибавлять серебро, сначала понемножку, затем порции все растут и растут. К нему мы прибавляем казначейские знаки, число которых все увеличивается, и, наконец, медь. Мы в течение года приходим к полному оздоровлению денежного обращения, к полному изгнанию совзнаков и к тому, что в нашем денежном обращении имеются полноценные знаки: червонец, казначейские знаки, серебро и, наконец, медь.

Вы, конечно, могли бы сказать, что мы выпустили денег в течение года вдвое больше, но, может-быть, цена-то их упала. Тогда, конечно, это означало бы кризис денежной реформы. Если бы выпуск этих денег сопровождался падением покупательной силы рубля, это значило бы, что мы заменили одни совзнаки другими совзнаками. В марте, когда мы приступили к этой денежной реформе и окончательно решили убить совзнак, цена рубля стояла на уровне 51,8% (по оптовому индексу Госплана) [1]). Затем он поднимается, испытывает некоторое колебание и к 1-му января этого года стоит значительно выше, чем стоял к 1 марта — 58,1% покупной способности довоенного времени. Покупательная сила нашего рубля, несмотря на то, что мы в течение года вдвое увеличили количество этих рублей, не упала, а поднялась в оптовых ценах. Если вы возьмете розничные цены, то увидите, что хотя здесь и нет столь значительного поднятия, но во всяком случае никакого смещения вниз не произошло: по розничному индексу кон'юнктурного института НКФ — 48,3 проц. в марте 1924 года и 47,8 проц. в январе 1925 г. Это значит, что мы не только увеличили вдвое количество денег в стране, но умели провести это увеличение таким образом, чтобы покупательная сила нашего рубля не дрогнула. Когда мы имеем двойное увеличение количества знаков и увеличение покупательной силы рубля, это значит, что пророчество скептиков и маловеров оказалось ни на чем не основанным.

Мы создали естественную хозяйственную базу для дальнейшего развития. Проверим ее еще по одному признаку: взглянем на наши б ю д ж е т ы. Вот перед нами бюджеты четырех лет: 13-й год до войны, 22-й — 23-й, 23-й — 24-й и нынешний 24-й—25-й год [2]). Мы расходовали на все нужды

---

[1]) См. диагр. № 2.
[2]) См. диагр. № 3.

государства в 1922—23 году 1 миллиард 300 милл. руб., в прошлом году расходовали 1 миллиард 900 милл. руб., в этом году предполагаем расходовать $2^1/_4$ миллиарда, а в 1913 году было израсходовано $2^3/_4$ миллиарда. Я сейчас не говорю, — к этому еще вернусь, — на что мы расходовали деньги, но вы видите, как из года в год идет систематическое увеличение государственных доходов, с одной стороны, и средств, расходуемых государством, — с другой. Конечно, этот рост расходов мог произойти только потому, что мы создали твердую денежную единицу, только на этой базе можно было итти к подобному расширению бюджета. Если вы обратите внимание на то, как складываются эти цифры, то увидите такие цифры: в 1922—23 году расходовали на сельское хозяйство 50 миллионов руб., в следующем году — 60 миллионов руб., в этом году — 109 миллионов руб. Если вы посмотрите расходы на промышленность, строительство и электрификацию, то в 1922 году расходовали 144 миллиона, в 1923 году — 141 миллион, в этом году — 130 миллионов рублей — только по бюджету, не считая всех кредитных сумм. (Эту видимую пониженность надо отнести за счет того, что промышленность перешла, главным образом, на кредит). Таким образом, не входя дальше в подробности относительно того, куда мы расходуем деньги, мы видим, как денежная реформа дала нам возможность расширять наши расходы и повышать наш государственный бюджет.

Наконец, последнее, что можно и должно привести, оценивая нашу денежную реформу, — это наш кредит [1]). Я прошу обратить внимание только на суммы, которые мы даем государственным организациям — промышленным, торговым, сельскохозяйственным и т. п. — в ссуду, в кредит. По Госбанку в 1922 г. на 1-е октября сумма эта не превышала 50 милл. руб. К 1-му января 1925 г. мы имеем сумму всех кредитов Госбанка, выданных на развитие нашего хозяйства, в 640 миллионов руб. Вот то, что лучше всего характеризует наш хозяйственный рост и восстановление. Если мы возьмем и другие банки, сверх Госбанка, то увидим такую картину. Задолженность отраслей народного хозяй-

[1]) См. диагр. № 4.

ства во всех наших кредитных учреждениях на 1-е января 1923 года была 22 миллиона рублей. Вот вся помощь, которую государство через кредитные учреждения могло оказать нашей промышленности и хозяйству. На 1-е января 1924 г. мы имеем уже не 22 миллиона, а 424 миллиона, которые мы влили через кредитные учреждения в народное хозяйство, и на 1-е января нынешнего 1925 года, как оказывается, мы влили через наши кредитные учреждения в народное хозяйство, промышленность и сельское хозяйство по всем банкам 1.022.000.000 руб. Таким образом через два года мы перешли с 22 миллионов руб. к 1 миллиарду 22 миллионам. Вот общая сумма, которая в кредитном порядке выдана нашими кредитными учреждениями различным отраслям народного хозяйства.

Ясное дело, что построение тонкой и хорошо действующей кредитной системы возможно только на почве твердой валюты. На совзнаке, на падающей валюте мы никогда не смогли бы дать того кредита, который сейчас составляет основной стимул развития всех отраслей нашей промышленности. Спросите, например, наших горнорабочих, нефтяников, металлистов: что было бы с их продукцией, с их производством, а стало-быть, и с их заработной платой, если бы они не имели возможности кредитоваться в наших кредитных учреждениях? Любой из нас, близко стоящий к хозяйству (а теперь и самый прекрасный агитатор никуда не годен, если он не стоит близко к народному хозяйству), ответит, что без этой тонкой механики кредитной помощи хозяйству мы не могли бы иметь никакого успеха в хозяйстве. А этот тонкий механизм кредитных учреждений, где мы видим такой скачок с 22-х миллионов до 1 миллиарда слишком, весь зиждется на твердой валюте.

Вот практическая оценка той меры, которая была нами проведена. Не только прав был ЦК, поставив, как основную задачу, проведение денежной реформы, не только прав был ЦК, когда не обратил никакого внимания на все попытки сбить его с занятой позиции: денежная реформа во что бы то ни стало, все жертвы ради денежной реформы. Не только был прав ЦК в этом, но он был прав и в самом проведении этой денежной реформы. Наша кредитная политика, наш бюджет, покупательная стоимость червонца, денежная масса

в обращении, — все это свидетельствует, что денежная реформа была проведена правильно. Вот решение одного спорного пункта.

Кривая промышленности все время идет вверх.

Я сказал: вторая задача для нас была — расширение производства, так как денежная реформа сама по себе нам не важна. Она есть служебное орудие, она есть тот рычаг, при помощи которого можно поднять промышленность, с одной стороны, и, с другой стороны, эту промышленность связать с крестьянством. Когда у нас не было твердого рубля, эта связь не могла быть налажена. Но, конечно, можно иметь твердый рубль и все же хозяйство вести плохо. Взглянем на те итоги, которые мы имеем в области промышленности. Нам говорили: если у вас все приносится в жертву денежной реформе, вы этим губите промышленность. Товарищи, которые хотели себя выставить чрезвычайно революционными и чрезвычайными «классовиками», говорили: «Вы приносите в жертву Наркомфину всю промышленность». Действительно ли вопрос стоял так, что проведение денежной реформы могло быть сделано только за счет застопоривания развития промышленности? Опять-таки этот вопрос и эта политика ЦК теперь может быть оценена цифрами. Я выбрал 4 основных отрасли промышленности, которые дадут нам картину наших успехов или неуспехов в области развития промышленности.

Возьмем прежде всего топливную промышленность. Из месяца в месяц, из года в год мы имеем повышение д о б ы ч и у г л я, которая, несмотря на значительное колебание, все время ползет вверх. Количество угля, которое добыто в 1913 г., — 1.711.000.000 пуд. И вот как упала добыча — до 466 млн. пуд. в 1920 г. Затем мы подвигались вперед. В 1921 году имеем — 487, в 1922 году имеем еще маленькую надбавку — 523, в 1923 году сразу скачок — 741, в 1924 г. еще скачок — сразу 893 и, наконец, план на 1925 г. — 921. Вы видите, мы еще порядочно отстаем от уровня 1913 довоенного года, но мы имеем постоянный рост из года в год добычи и, с другой стороны, именно в настоящем году мы этот рост должны задержать. Добыча угля поставлена

таким образом, что она превышает тот спрос, который могут пред'явить остальные отрасли промышленности. И в этом году мы дали лишь небольшое повышение угля не потому, что мы не могли увеличить добычу, — мы могли бы дать почти $^3/_4$ того количества, которое давали до войны, — но благодаря сужению внутреннего рынка, благодаря отставанию других областей промышленности, мы должны были держать Донбасс насильственно на том уровне, которого он достиг в прошлом году. Но если бы завтра оказалось, что остальные отрасли промышленности двинулись быстрей вперед, что металл пошел вперед, что крестьянство пред'явило новый спрос на железо, что товарооборот увеличился, что железные дороги требуют больше угля, то мы в течение каких-нибудь недель могли бы увеличить добычу угля на какой-угодно процент. Это показывает не только, что мы имеем определенные достижения, но и потенциальную, возможную силу.

Далее, если мы обратимся к нефти, то увидим такую картину, которая так же, как и по углю, показывает наш рост из месяца в месяц, из года в год [1]). Если взять годовые цифры, то мы имеем 548 миллионов пудов в 1913 году, в 1920 г. — 233 миллиона пуд., в 1921 г. — 239 милл. пуд., в 1922 г. — 293 милл. пуд., в 1923 г. — 327 милл. пуд. и, наконец, в 1924 г. — 380 милл. пуд. План на 1924—1925 г. — 417 милл. пуд., для которых нам, как я уже неоднократно говорил, приходится завоевывать иностранный рынок, ибо такого количества нефти на внутреннем рынке мы употребить не можем.

Значит, с топливом дело обстоит так, что мы не только вполне обеспечены для данной стадии развития нашей промышленности, но вполне обеспечены топливом для любого расширения промышленности и, сверх того, имеем возможность вывоза этих продуктов. А вы понимаете, какое значение это имеет в такой год, когда мы вынуждены были отказаться от вывоза хлеба, и, больше того, весьма вероятно, что нам придется пополнить хлебный запас из-за границы, чтобы не допустить повышения хлебных цен. Если мы не вывозим хлеба, то только экспортом промышленных продуктов

---

[1]) См. диагр. № 6.

вместе с сельскохозяйственными продуктами других видов мы сможем эту дыру в нашем балансе заткнуть. И эти 80 милл. пуд. нефти, которые предположено вывезти, и есть тот продукт, которым мы пытаемся заткнуть нашу дыру, образовавшуюся оттого, что мы не вывозим хлеба.

Вот, товарищи, следующее испытание политики ЦК — наша металлургическая промышленность[1]). Мартен, прокат, чугун. По чугуну вот на каком уровне стояли мы два года назад. В абсолютных цифрах в 1923 г. мы добывали чугуна 23 милл. пуд. за год. В 1924 г. — 46 милл. п. Вы видите тут, какое повышение мы наблюдаем из месяца в месяц. То же самое с прокатом. Вот прокат в 1923 г. — 33 миллиона. В 1924 году — 44 миллиона. И, наконец, мартен растет неизменно, и все время помесячная выработка идет кверху, а годовая выработка 1923 г. — 44 милл., в 1924 г. — 70 миллионов.

Мы имеем, как программу на следующий год, по мартену — 79 милл., в то время как до войны его производили 260 милл. Цифра проката — 56 милл., а тогда было 214 милл. Программа чугуна у нас — на 57 милл., в то время как в 1913 г. было 256 милл.

Наша задача — расширение металлургической промышленности.

Мы идем вперед по металлургической промышленности несомненно, но мы стоим еще на очень низком уровне. Металлургическая промышленность, конечно, одна из основных, и думаю, что один из выводов, который можно сформулировать, одна из задач, которая должна быть поставлена, — это дальнейшее расширение нашей металлургической промышленности. Поэтому я указываю на низкий уровень, который мы имеем. Недаром последний пленум ЦК слушал специальный доклад тов. Дзержинского и специально обсуждал вопрос металлургической промышленности. Мы находимся в таком положении, что с топливом справляемся, с текстилем мы на правильном пути и идем громадными шагами вперед, и можно надеяться, что развитие в области текстиля будет

---

[1]) См. диагр. № 7.

итти очень быстро. Очередная наша задача — это поднятие металлургии. Мы в СТО утвердили программу на нынешний год, которая оценивается для металлургической промышленности в 273 милл. довоенных руб. против 198 милл. прошлого года, т.-е. подняли программу за один год для металлургической промышленности на 40 проц. Должен сказать, что тов. Дзержинский по этому поводу очень сердился на нас и считал, что мы мало дали. Он хотел поднять металлургическую промышленность на 60, а не на 40 проц. за один год. Мы стояли месяца три назад на более осторожной позиции. Мы говорили, что металлургия — вещь основная, ее нужно развивать, и мы даем программу на 40% выше прошлогодней, но больше мы опасаемся дать, так как большая программа требует больших затрат, дополнительных кредитов и так далее.

Теперь я должен сказать, что прошло 2 — 3 месяца, и мы уже вынуждены были на последнем собрании пленума ЦК увеличить программу металлургической промышленности дополнительно на 15 проц. А все данные показывают, что, вероятно, в течение года мы превзойдем и 40 и 15 проц., надеясь окончить этот год в области металлургической промышленности с повышением над прошлым годом не в 40 проц. и не в 55 проц., а в 60 — 65 проц. Металлургический голод в стране, повышение потребностей крестьянства в металлургии, вот что констатируется уже теперь. Уже теперь все металлургические предприятия превзошли данную программу. Конечно, этому можно только радоваться. Но как странно выглядят перед этими цифрами те, которые говорили в свое время, что денежная реформа погубит промышленность в ходе своего осуществления?

Укажу теперь последнюю отрасль промышленности, чтобы перейти к следующей очередной задаче, которая ЦК решалась: текстиль [1]). Это для сопоставления: уголь, нефть, металлургия, текстиль.

Вы видите, и по текстилю каждый год дает повышение месячной выработки. Если взять в годовых цифрах, то тогда мы будем иметь такую картину: в 1923 г. мы имели 4.721 милл. пуд. пряжи, в 1924 г. — 7.259 милл. пуд., почти

---

[1]) См. диагр. № 8.

вдвое, — вот вам, чем кончается 1924 год, и чем кончился 1923 год. Если мы возьмем суровье, то мы имели в 1923 г. 907 милл. арш., в 1924 г. произвели 1.450 милл. арш. Если, наконец, возьмем готовые ткани,—в прошлом году мы имели 851 милл., в этом году, закончившемся, — 1.394 милл. Вы видите, что в области текстильной промышленности мы идем выше против прошлого года; общее превышение не менее, чем на 40 — 45 проц., а программа, составленная нами на этот год, говорит об увеличении еще на 50 проц. Таким образом, и эта таблица свидетельствует, что в области производства, в области промышленности, мы неуклонно, из года в год, из месяца в месяц, рвемся вперед. Мы не достигли еще здесь довоенных цифр, но во многих местах она уже превысила 60 и 70 проц. довоенной выработки.

При этих условиях, товарищи, ясно, что ЦК выбрал правильную политику. Денежная реформа, проведенная, не подрезала промышленности, а, напротив, дала впервые возможность того размаха промышленности, который мы сейчас видим. Но вы знаете, что противники этой политики ЦК в рядах нашей партии, — я уже не говорю о тех, которые вообще говорили: «Куда пролетариату и коммунистической партии справиться с промышленностью», — но говорю о противниках-коммунистах в нашей среде, они нам говорили: «Вы не только губите промышленность тем, что подчиняете ее диктатуре Наркомфина (слова тов. Троцкого), но вы губите промышленность тем, что вы проповедуете политику снижения цен». Многие из вас, вероятно, помнят, как ровно год и месяц назад, в этом же зале тов. Пятаков, оспаривая политику ЦК, здесь, с этой же трибуны, вместе с тов. Преображенским, тов. Смирновым и тов. Осинским изложил свою программу экономической работы против ЦК, в которой особенно подверглась критике наша политика снижения цен, в которой отстаивалась необходимость высокой прибыли для промышленности. Не странно ли? Как же это так: ЦК пролетарской партии, осуществляющей пролетарскую диктатуру, и вдруг проповедует политику меньших прибылей для промышленности, т.-е., как нам об'яснили товарищи Преображенский, Пятаков и др., отказ от социалистического накопления, разбазаривание промышленности крестьянам. Вот что они говорили.

Рабочие ведут политику, направленную к удовлетворению интересов крестьянства.

Ведь, оттуда же пошел слушок о крестьянском уклоне: вы-де распродадите по дешовым ценам всю промышленность и тогда останетесь сидеть на бобах, а крестьянин на этом наживется и потом прогонит вас в три шеи.

Какая же это, говорили нам, пролетарская политика? Это — политика крестьянская, крестьянского уклона.

И вы не забыли, конечно (те, которые внимательно следили за жизнью партии), что здесь обнаруживалась и точка зрения рабочей оппозиции, «рабочей группы», которая, как главный мотив, выставила то, что ЦК нашей партии ведет политику крестьянского уклона и жертвует интересами квалифицированного пролетариата ради интересов крестьянских. Вы помните, как эта, простите за выражение, глупая критика совпадала с критикой, которая была представлена тт. Преображенским, Пятаковым и т. д. и за которыми стоял тов. Троцкий! Тут было несомненное соприкосновение, которое и дало возможность в прошлогоднюю дискуссию тт. Шляпникову, Преображенскому, Смирнову, Осинскому выступить против ЦК, хотя и с разными мотивами, но единым фронтом.

Так вот, действительно ли политика снижения цен была политикой крестьянского уклона, действительно ли политика снижения цен, проводившаяся ЦК с большим сопротивлением и против этой идеологии, и против некоторых хозяйственников, трестовиков, синдикатчиков, наших же коммунистов, — действительно ли она происходила за счет промышленности или за счет рабочих? Вот мы это сейчас и проверим.

Уже те данные, которые я вам привел, которые говорят о состоявшемся уже за этот год расширении промышленности не менее как на 30 проц., показывают, что что-то такое у наших критиков оказалось не так. Оказалось, что при снижении цен, при проведении денежной реформы и при жертвах, которых требовала она, мы имеем за год общее повышение всей промышленности в среднем на 30 проц. Значит, как-будто достигнуты результаты, прямо противо-

положные тем, которые нам предрекали. Мы не разбазаривали промышленность, а наоборот, собрали ее, мы ее сконцентрировали, мы подняли ее производительность.

Позвольте привести некоторые данные, которые характеризуют эту политику снижения цен. Вы, конечно, не потребуете от меня подробного об'яснения громаднейшего политического значения этой политики снижения цен. Мы можем перед крестьянством расписывать самые радужные картины коммунистического рая, мы можем перед ним выставить великолепные диаграммы насчет того, как мы увеличиваем добычу нефти, угля, металла, как мы много производим ситца и т. д., а оно нас будет судить не по этому. Крестьянин — не производственник, не директор треста или директор завода. Он скажет: мне все равно, как ты произвел, а вот почем ты мне отдал? По ответу на этот вопрос они будут судить о нас. Поэтому политику расширения промышленности без снижения цен, без того, чтобы это расширение сопровождалось тут же реальными материальными эффектами для крестьянина, такую политику провести нельзя.

Так вот, добился ли здесь ЦК чего-нибудь, или политика снижения цен осталась для крестьянства простым обещанием? Что мы действительно скажем вот на перевыборах советов?

Вы знаете, что ЦК пришел к убеждению, что необходимо отменить в целом ряде местностей выборы в местные советы вследствие слишком небольшого участия крестьянской массы в этих выборах. Эти перевыборы происходят теперь. Что же мы крестьянину в ответ на его запрос можем сказать? Я думаю, что лучшим нашим агитационным средством, лучшим нашим агитатором, гораздо лучшим, чем самый красноречивый наш агитатор, будут таблички, которые покажут, как изменялись цены на основные крестьянские продукты потребления, начиная с прошлого года по этот год.

Некоторые цифры я вам назову. Вот передо мной таблица цен: на полотно против октября 1923 г. на октябрь 1924 г. цена снизилась на 4,1 проц., для сахара — на 16,3 проц., для ситца — на 26,1 проц., для сукна гражданского — на 29,1 проц., на керосин — 23,3 проц., на соль — 27,9 проц., на спички — 30,8 проц.

Хвалиться нам негоже, но, вообще говоря, можно сказать, что эти данные не кот наплакал: притти к крестьянину и сказать, что пролетариат, который взял в свои руки фабрики и заводы, в течение года, поставив себе задачей снижение цен, дает тебе пока на 30 проц. ниже предметы твоего потребления. Я, ведь, привел цифры того, что мы называем крестьянским набором, того, что входит в крестьянское потребление.

Вот передо мною другая табличка снижения отпускных цен наших производящих центров с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 г.: по кожевенной промышленности мы имеем снижение на 33 проц., по пищевой промышленности — снижение на 35 проц., по силикатстроительной — снижение на 32 проц., по текстильной промышленности — снижение на 35 проц., по топливной промышленности — на 18 проц., по химической промышленности — на 29 проц., по нефтяной — на 28 проц. Общее среднее снижение по всей промышленности на отпускные цены фабрик, заводов, трестов и синдикатов равняется 30 проц. Это я вас прошу заметить для оценки деловой работы, которой руководил ЦК. Сопоставьте эти две цифры: увеличение на 30 проц. за этот год общей продукции нашей промышленности и снижение цен на 30 проц. Вы должны понимать эту связь между снижением цен для крестьянства и расширением промышленности. А что значит расширение промышленности? Расширение промышленности—это значит увеличение пролетариата, увеличение его социальной мощи, его сплоченности, его квалифицированности и, вообще, повышение его удельного веса, как класса. И это нами достигается одновременно с тем, что мы демонстрируем по заветам Ильича на простых фактах цен спичек, керосина, ситца и других товаров крестьянского потребления нашу смычку города с деревней, наши достижения и нашу работу в этой области. Линия здесь взята правильная, и она должна будет продолжаться и дальше. Чем же мы достигли понижения на 30 проц. стоимости продукции промышленности? За чей счет? Этими цифрами мы отбрасываем то обвинение, что снижение цен и денежная реформа должны привести к разбазариванию промышленности. Вышло как-раз наоборот, — это привело не к разбазариванию, а к собиранию и расширению промышленности.

За чей же счет это произошло? Вот здесь перед вами таблица, которая показывает рост заработной платы [1]) и производительности труда, и вы видите, что, начиная с октября 1922 г., рост производительности все время, хотя и прерывистой линией, идет вверх, идет повышение производительности труда. Иначе говоря, мы имеем повышение продукции на 1 рабочего на 45,9 проц., и в то же время растет и заработная плата, и растет, как вы видите, быстрее, чем производительность труда, достигая увеличения против октября 1922 г. на 101,3 проц. Следовательно, рост производительности труда отстает от роста заработной платы. Итак, при таких цифрах может ли устоять обвинение, которое высказывалось, что снижение цен на продукты промышленности идет за счет рабочего класса? Нет, при таких данных роста зарплаты это возражение не выдерживает никакой критики. Снижение цен, а следовательно, укрепление союза рабочих и крестьян идет за счет поднятия производительности труда, которая еще недостаточно поднята, за счет сокращения всяческого рода накладных расходов и, наконец, за счет сжимания и улучшения всего аппарата, управляющего хозяйством. Мы подтягиваемся благодаря политике снижения цен на промышленные товары. Мы заставляем этой политикой технически и организационно поднимать нашу промышленность, и это есть единственная правильная политика.

Я думаю, что эти цифры есть важнейший ответ и на возражения «рабочей группы» и на позицию нашей оппозиции. Если мы через год после прошлогодней дискуссии пришли бы к вам с кривыми прямо противоположными, тогда ЦК должен был бы сложить свои полномочия и сказать, что прошлогодняя критика была правильной. Но когда мы видим все эти кривые, лезущие вверх одновременно, мы должны сказать: пожалуйте, товарищи, и поддержите теперь вашу критику ЦК на реальных фактах, а не только на мрачных пророчествах.

Теперь посмотрим, что показывают цифры зарплаты по СССР и по Москве за 1922, 1923 и 1924 годы [2]). Если сравнить

---

[1]) См. диагр. № 9.
[2]) См. диагр. № 10.

абсолютные данные, то мы имеем размер зарплаты в 1913 г. в 25 р. по всей бывш. Российской империи и 27 бюджетных руб. в Москве. В 1921—22 г. по Союзу мы имели зарплату 10 р. 25 к., по Москве — 11 р. 25 к., в 1922—23 году по Союзу 11 р. 70 к., по Москве — 19 р. 70 к., в 1923—24 году по Союзу — 15 р. 90 к., по Москве — 21 р. 90 к., и сейчас мы имеем по Союзу 18 р., по Москве — 32 р. 80 к., т.-е. по Москве во многих отраслях промышленности мы превысили довоенный уровень, но заработная плата в общем не достигла еще довоенного уровня, да при той производительности, на которую я вам указывал, она и не могла достигнуть, но ее рост несомненен и постоянен.

Если теперь принять во внимание все это положение, то мы должны будем сказать, что политика ЦК фактами целиком подтверждена, и что мы действительно в области смычки с крестьянством не словами, а делом доказали крестьянству, что рабочие могут, хотят, главное дело, вести политику, направленную к удовлетворению интересов крестьянства.

«Ножницы» сломаны.

Но как шло дело с самим крестьянством? Вы знаете, что в конце прошлого 1923 года, мы имели перед собою «ножницы», которые воплощали громадное расхождение положения крестьянства и города. Я не буду это долго комментировать. Вот результаты нашей борьбы с «ножницами», которые около конца 1923 года имели такой раствор, такую социальную пропасть, которая к этому времени разверзлась между рабочими и крестьянством. *Мы имели низкие, ниже всякого уровня, цены на хлеб и высокие, выше всякого уровня, цены на промышленные изделия, мы имели кризис сбыта, колебания в крестьянской массе, ее недовольство, колебания и дергания в партии, дискуссии и лихорадку.* Под этими явлениями лежала эта пропасть. ЦК поставил своей задачей сжать эти «ножницы» тем, чтобы понизить цены на промышленные изделия и поднять цены на крестьянскую продукцию. Вот эти две линии характеризуют решимость и энергию партии.

Сломать таким образом эти «ножницы», сжать их,—для этого нужна была ясная, четкая и революционная политика, которая не останавливалась бы ни перед какими колебаниями, ни перед каким маловерием. Классовая борьба ведется не только тогда, когда класс против класса стоит с оружием в руках, а и тогда, когда крестьяне, видя такую картину «ножниц», начинают не доверять рабочему, и перед нами стоит обязательное принятие решительных мер, которые здесь необходимы. Приняты ли такие меры? Довоенный уровень сейчас для нас недостижим, его нет нигде в мире, всюду наблюдается некоторый раствор между промышленными и с.-хоз. ценами, но это раствор, который можно признать нормальным и который нам нужно держать. Это сжатие «ножниц» означало не только снижение цен на промышленные продукты, а также явное повышение хлебных цен. Что мы здесь имеем?

Вы знаете, что в средине этого года хлебные цены страшно вскочили. Мы принуждены были отнюдь не подчиниться тем ценам на хлеб, которые стояли в июле — августе, мы должны были провести сложный маневр. В чем он заключался? Он заключался в том, чтобы остаться на хлебном рынке хозяевами, чтобы государство в своих руках имело достаточное количество хлеба, чтобы оно могло диктовать цены на хлеб городам, но вместе с тем, чтобы дать крестьянину за хлеб много больше того, что он получал в конце 1923 г. Как решен этот маневр? Если бы мы были не политиками, а просто чувствительными, что ли, людьми, которые говорят: «ах, крестьянина обидели, — видите, какие низкие цены на хлеб, — дадим ему больше, дадим ему цену, какую он просит», то это значило бы, что мы должны пойти за стихийным ростом цен на хлеб. Но так как при таких условиях мы достаточного количества хлеба скупить не могли бы, то хлеб оказался бы не в наших руках, а в руках скупщика и кулака, и он диктовал бы цены на хлеб в Донбассе, в Иваново-Вознесенске и т. д., он явился бы фактически экономическим хозяином. Теперь вся кампания подходит к концу. Сначала мы думали заготовить 340 милл. пудов хлеба, чтобы быть хозяевами рынка. Вследствие общего дефицита в хлебном балансе нашей страны мы видим, что хлеба оказалось немного меньше, чем мы предполагали,

и мы принуждены были снизить наш план до 290 милл. пудов. Имея в своих руках и в руках рабочей кооперации столько хлеба, мы можем себя чувствовать более или менее хозяевами, то-есть можем держать цены на хлеб в Москве, Иваново-Вознесенске, Харькове, Донбассе на том уровне, который не будет потрясать зарплату и бюджет рабочего класса. Для этого нам нужно иметь около 300 милл. пудов. Мы на 11-е января закупили 215 милл. пудов хлеба. Но спрашивается: а не обидели ли мы при этом крестьянина? Мы, ведь, монополисты, мы сняли с рынка и взяли в свои руки 300 милл. пудов. Это немало, считая, что крестьянин должен был одновременно уплатить государству 340 милл. рублей в виде налога; значит, налога мы взяли 340 милл. рублей, кроме того, мы заполучили в свои руки до 300 милл. пудов хлеба, — так не обидели ли мы крестьянина? Если бы мы экономически обидели крестьянина, то это палка (мы теперь это хорошо знаем) о двух концах: если мы его обидели, он перестанет покупать, и заводы начнут трещать. Удался ли нам этот маневр? Мы считаем, что удался. Политика лимитов оправдалась. В общем и целом, несмотря на то, что кулачество хотело воспользоваться неурожаем и получить несуразную цену, мы купили этот необходимый для нас запас хлеба в среднем по 84 коп., а если вы припомните, что реализация прошлого года была произведена копеек по 50—60, то в общем и среднем крестьянство за этот урожай выручило от государства, города и рабочего по двугривенному за пуд больше, чем в прошлом году.

Хозяйственное положение крестьянства укрепилось.

Итог: крестьянство получило больше; несмотря на то, что хлеба в стране немного меньше, его покупательная способность возросла, его способность покупать промышленные продукты в городах развернулась. С другой стороны, мы купили хлеб по цене, которую мы считали справедливой, остались хозяевами на хлебном рынке и можем надеяться, что нам не придется повышать цен на хлеб в городах, мы сможем удержать их на том уровне, на каком они сейчас стоят, до нового урожая, и снижения реального рабочего

бюджета не будет. Таким образом и этот маневр, в котором нужно было сочетать интересы рабочего бюджета и интересы крестьянского кармана, можно считать совершенно удавшимся. Но мы крестьянину в этом году дали улучшение его положения не только лишним двугривенным на пуд хлеба, но мы благодаря денежной реформе сняли с него не меньше 200—250 милл. эмиссионного налога, т.-е. того, что он терял на наших совзнаках, а эта потеря означала почти кризис крестьянского хозяйства в прошлых годах. Этой потери теперь нет. И, наконец, мы дали ему то снижение цен, о котором я говорил. Таким образом, если по отношению к рабочему классу мы в этом году провели политику повышения и расширения промышленности, стабилизации, укрепления и известную тенденцию к повышению зарплаты, к укреплению общей позиции пролетариата, то по отношению к крестьянству мы сняли эмиссионный налог, мы снизили ему цены, мы дали ему при покупке хлеба на двугривенный больше на пуде, чем в прошлом году. Только этим об'ясняется, что наша промышленность нашла для себя рынок расширения на 30 проц. Только этим об'ясняется, что наши склады пустуют, а в стране товарный голод. Это значит: спрос крестьянства, и спрос платежеспособный, существует, оно готово платить за товары, мы не поспеваем за этим спросом.

Для того, чтобы сделать еще более наглядным то, чего мы достигли нашей политикой смычки с крестьянством реально, я привожу еще цифры, которые показывают, сколько мог крестьянин приобрести товара за пуд ржи: ситца, соли, керосина, селедок и т. д. — до войны, в прошлом году и в этом году [1]). Рекомендую эти цифры вашему особенному вниманию, так как здесь есть реальные достижения, конечно, еще далекие от довоенной нормы. Возьмем ситец. До войны за пуд ржи крестьянин мог получить 5,4 арш. ситцу. Мы с вами умудрились, извините за выражение, так, что в прошлом году давали за этот пуд всего только 1,4 арш.; благодаря политике снижения цен и повышения цены на хлеб в этом году мы давали 2½ арш. Но вот вам и пример лучшего результата: в 1913 г. керосина на пуд

[1]) См. диагр. № 12

ржи крестьянин мог купить 15 ф., а в ноябре 1924 г., — 18,8 ф.; спичек в 1913 г. — 75 кор., в ноябре 1924 г. — 51,6 кор.; гвоздей 5 ф. вместо 4,4 ф. в 1913 году. Конечно, когда кулак не показывает крестьянину на примеры лучшего результата нашей работы, а показывает худшее, то крестьянин разводит руками и говорит: да, до войны я получал 5,4 арш. ситцу, а теперь — 2,5 арш. На этой почве можно развить достаточную демагогию. Но нужно принять во внимание и то обстоятельство, что и крестьянин должен был заплатить за то, что он взял помещичью землю. Ведь, рабочие заплатили голодом, холодом и многим еще кроме того, чтобы освободиться от капиталиста. Крестьянину также пришлось принести известные жертвы. Даром такие вещи в истории не происходят, но крестьянин должен знать, что если в 1923 г. ему давали 1,4 арш. вместо 5 арш. довоенных, то это временно, и мы можем сказать: да, давали $1^1/_4$, но за 1 год мы улучшили положение вдвое и даем $2^1/_2$ арш. На следующий год мы надеемся на большее повышение. Возьмем соль. До войны крестьянин за пуд хлеба имел 94 ф. соли, в 1923 г.—16 ф., и в этом году мы даем 31 ф. Вы видите, что мы находились в 1922—23 г. в критическом положении, потому что каждый крестьянин, если бы не было примеров, подобных керосину и гвоздям, мог бы сказать нам: да, коммунисты—прекрасные люди: помещиков прогнали, царя прогнали, Керенского прогнали, но все же за пуд хлеба я получал до войны 5 арш., а теперь — $2^1/_2$ арш. Мы могли только сказать: да, это общая наша беда, это — империализм посадил нас в яму. Но мы начинаем выбираться из этой ямы. И если мы будем итти дальше по пути развития, и если ты не будешь прислушиваться к голосу кулака, будешь поддерживать союз крестьянина с рабочим, то мы, несомненно, достигнем успеха. Вот коренной ответ на то, что мы сделали за этот период для того, чтобы достичь тех задач, о которых говорил Владимир Ильич, и которые он ставил, как основные задачи эпохи диктатуры пролетариата. В. И. выдвигал 3 задачи: 1) подавить сопротивление капитала и сделать невозможным его возрождение, — это мы сделали; 2) привлечь доверие и полную поддержку слабейших слоев крестьянства и 3) нейтрализовать более высокие слои крестьянства. Это можно

сделать только работой по той политике, которую проводил ЦК, и на которую я сейчас вам указывал. Позвольте мне подвести общий итог.

Хозяйственные итоги года.

Я сказал: 4 основные задачи, которые на деле практически выдвинул Центральный Комитет, эти 4 практических дела, по которым мы просим нас судить, — денежная реформа, расширение промышленности и сплочение пролетариата, улучшение положения крестьянства, сжатие «ножниц». Я показал вам итог. Мы имеем несомненнейшее оживление товарооборота на этой почве.

Кстати, наш план хлебной заготовки, когда обнаружилось, что в стране хлеба меньше наших первоначальных подсчетов, мы сократили до 290 милл. пуд. хлеба, и выполнение идет совершенно ровно, по плану, нисколько не отставая [1]). Я скажу, что за июль — август мы заготовили 41 милл. пуд. хлеба, за сентябрь — 35 милл., за октябрь — 41 милл., за ноябрь—38 и за декабрь—46 милл. Таким образом мы имеем полную уверенность, что план этой хлебной заготовки будет полностью выполнен.

Возвращаюсь к торговому обороту [2]). Если возьмем московскую биржу, то в октябре 1922 года весь оборот биржи равнялся 25 милл. руб., в 1923 г. мы имеем 80 милл., а в 1924 г. — уже 246 милл. руб. Если возьмем оборот провинциальных бирж, то товарный оборот по 40 биржам в 1922 г., в октябре, составлял 9—10 милл., в 1923 г., тоже за октябрь месяц, оборот равнялся 57 милл., и в прошедшем 1924 г. мы имеем уже 180 миллионов. Я не привожу здесь процентов, так как они представляют громадную величину. Этот рост товарного оборота и есть выражение того, насколько мы снабжаем деревню и насколько мы удовлетворяем потребности крестьянства. Если мы возьмем другой измеритель — наш грузооборот [3]) — и посмотрим, сколько мы перевозим по нашим железным дорогам, то и здесь все показатели идут

---

[1]) См. диагр. №№ 13 и 14.
[2]) См. диагр. № 15.
[3]) См. диагр. № 16.

вверх. В октябре 1922 года в среднем грузили ежедневно 10 тысяч вагонов, в 1923 году дошли до 13 тысяч вагонов, и в прошлом году в среднем грузили в день 16 тысяч вагонов, а в начале этого года мы имеем уже 18 тыс. вагонов ежедневно.

В общем и среднем транспорт наш, таким образом, тоже, с одной стороны, показывает увеличение товарооборота в стране, т.-е. кровь движется по всем артериям, обнимающим народное хозяйство, выравниваются цены, возможна планомерная деятельность; с другой стороны, сам транспорт все больше развивается.

Мы в этом году повысили бюджет транспорта с 670 милл. прошлого года до 810 милл., при чем в то время, как тов. Дзержинский сердился, что ему дали малую програму для металлургии, тов. Рудзутак говорил, что мы слишком много ожидаем от развития транспорта, когда думаем, что транспорт может дать такой доход, может иметь выручку в 800 милл. за год. В прошлом году он имел 650 милл. Мы предполагали, что он в год сможет увеличить доходность на 160 милл. благодаря росту грузов и товарооборота. Прошел первый квартал, и оказалось, что тов. Рудзутак пришел к нам и сказал, что он должен был выручить за этот квартал 192 милл., а выручил уже 202 милл., т.-е. на 10 милл. получил перебор. Это показывает, насколько страна вся оживилась, насколько экономика, здоровая экономика, прет, если можно так сказать, снизу.

Если сравнить общие цифры всей продукции, то мы получим такую картину: общий рост продукции всей государственной промышленности, как я сказал, дает увеличение на 30 проц. Прошу обратить внимание на следующие цифры [1]). В 1912 г. на заводах, которые ныне об'единены в руках ВСНХ и крупнейших местных об'единений, работало 1.800.000 рабочих. В 1923 г.—1.311.000. В 1924 г.—1.460.000. Прибавка за год на 150.000. Мы предполагаем теперь увеличение промышленности на 30 проц. против 1924 закончившегося года. Следовательно, и этот рост пролетариата будет продолжаться. Стоимость продукции, произведенной этим количеством рабочих, в 1923 г. — 1 миллиард 222 милл. в до-

---

[1]) См. табл. «А».

военных рублях. В этом году — 1 миллиард 663 милл. Если взять в червонных рублях, то мы произвели в прошлом году продукции на крупных об'единениях на 2 миллиарда 590 милл. в червонных рублях. В этом году — на 3 миллиарда 162 милл. Повышение, как видите, во всех частях. Увеличилось количество рабочих, увеличилось количество продукции, увеличилась и ценность продукции в червонных рублях. В общем, рост на 30 проц.

Если теперь сравнить всю товарную часть продукции, все, что произвело крестьянство и что произвела наша промышленность и что поступает в товарный оборот, то дело имеет такой характер. В 1921—22 г. в товарный оборот от крестьян и от фабрик и заводов поступило на 3 миллиарда 333 милл. руб. А в этом году — на 6 миллиардов 666 милл. рублей, т.-е. за 3 года, товарищи, мы имеем увеличение всей продукции, крестьянской и промышленной, поступающей в оборот, вдвое.

Вот итоги той политики, которую вел ЦК в этой области.

К этому мы можем прибавить, что мы имеем устойчивый рубль, имеем рост бюджета, как я показывал, из года в год, и благодаря этому, возможность все более и более дополнительных ассигнований и на промышленное строительство, и на электрификацию, и на сельскохозяйственный кредит; что мы имеем благодаря этому возможность теперь перейти к основанию нового коммунального банка для рабочего строительства в городах, с капиталом вначале в 25 милл. рублей. Если принять все это во внимание и еще то, что этот рост не есть какой-нибудь нервный срыв, а результат планомерного роста, у нас должна быть твердая уверенность, что он не случаен, а будет продолжаться дальше, так как обусловлен правильным нашим пониманием. Всего этого мы добились, конечно, только потому, что мы поняли ленинскую науку, правильно понимаем взаимные соотношения различных отраслей хозяйства и их увязку, при которой расширение крестьянского рынка непосредственно поддерживает развитие крупной машинной промышленности, и эта крупная машинная промышленность становится базой для более сплоченного, более квалифицированного, более классово-организованного пролетариата. Вот, товарищи, наши итоги в области промышленности.

Мы должны будем их сейчас рассмотреть с точки зрения социальной, т.-е. с точки зрения классовых последствий этого роста богатства и тех очередных задач, которые на основе изменившегося соотношения классов перед ЦК сейчас стоят.

Какие препятствия предстоит побороть.

Товарищи, рассмотренная нами политика ЦК в области практических вопросов восстановления хозяйства и на этой почве укрепления союза рабочих и крестьян, как мы видели, привела к значительному оживлению страны. Это оживление должно было, конечно, сказаться на силе отдельных составных частей нашего государства. Естественно, что нас, при рассмотрении социального состава той страны, во главе которой стоит наша партия, должны интересовать две целые единицы и та дробь, о которой все чаще и чаще приходится упоминать, т.-е. рабочий класс, с одной стороны, крестьянство — с другой, и те зачатки новой буржуазии, которые, несомненно, имеются в наличности и не обращать на которых внимание для нас практически совершенно невозможно. В общих чертах можно сказать, таким образом, что в результате проведенной политики мы видим несомненное прекращение того процесса, который констатировал еще В. И.,—процесса деклассирования пролетариата. Этот процесс приостановился, начинает превращаться в свою противоположность, т.-е. в новое собирание пролетарских сил, в их сплочение и в повышение удельного веса пролетариата. Этот процесс, естественно, идет совершенно параллельно развитию промышленности и улучшению материального положения рабочего класса. По мере того, как непосредственно материальные заботы начинают отливать от самой толщи рабочей массы, она все более и более получает возможность принимать участие в практической работе, в работе профессиональных союзов, в построении кооперации, в культурно-просветительной работе, наконец, в советской работе. Оживление среди пролетариата на почве улучшения его положения вызывает в нем, несомненно, новые запросы, и мы были бы слепыми политиками, если бы из этого факта экономического роста положения рабочего класса не сделали

и соответствующие политические выводы. Еще больше это относится к крестьянству. Я не хотел бы, чтобы те цифры, которые я привел, те успехи, которые мы, несомненно, имеем, были бы переоценены здесь. Нет большей ошибки для нас, как если мы на минуту подумаем, что у нас все благополучно, и, следовательно, можно ослабить тот нажим, который все время сопутствовал нам в работе: и на восьмой год коммунистическая партия имеет перед собой грандиознейшие задачи, и ослабление энергии ни в коем случае не допустимо. Действительно, в области крестьянства мы правильно поставили задачу, — это теперь ясно. Мы сделали первые шаги для разрешения этой задачи, — это тоже верно. Мы поэтому уже парализовали этими правильными шагами вредные тенденции, которые могут развиваться в крестьянской стране, но мы далеко еще не сделали всего того, что нужно. Общее положение крестьянства, я думаю, правильно будет охарактеризовать тем, что мы можем констатировать там, в крестьянской среде, четыре голода.

Четыре голода деревни.

Мы имеем там, прежде всего, товарный голод, голод неудовлетворения промышленностью потребностей крестьянрества. Политика, которая направлена на полное удовлетворение крестьянских потребностей национализированной промышленностью, еще должна развиваться и развиваться и составить задачу не одного года и не двух ближайших лет. Товарный голод налицо, и темп нашего развития явно не поспевает за ростом потребностей.

Второй голод, который мы там имеем, — это голод кредитный. Надо отдать себе отчет, что крестьянство после того, как оно получило землю, после того, как оно под руководством пролетариата эту землю отстояло, не может руководиться в своей политике чувством благодарности, оно будет равняться по тому, кто будет помогать ему строить хозяйство. Основная черта, которая сейчас свойственна крестьянину, — несомненно, страшная жажда строительства и восстановления хозяйства. Что ему больше всего необходимо, без чего он не может выполнить этой своей задачи, — это кредит. Без кредита, без финансовой поддержки, восста-

новительные процессы в сельском хозяйстве будут итти страшно замедленным темпом, и, следовательно, замедленным темпом будет развертываться наша промышленность, и — что еще опаснее — крестьянин будет искать этого кредита всюду, и если не найдет его у государства, если не найдет его у пролетарского государства, то он будет, естественно, равняться по тому кулаку-посреднику, мелкому скупщику, ростовщику, который будет снабжать его необходимыми ему для восстановления хозяйства средствами. Совершенно ясно, что без кредита, без финансовой поддержки, без ссуды, без займа крестьянство в Советской Республике не может ни восстановить хозяйство, ни поднять его на высокий технический уровень, а, ведь, долго жить таким образом, чтобы мы каждое утро, вставая, смотрели, есть ли снег или нет снега, или, чтобы все развитие нашей промышленности Донбасса, Азнефти, металлургии зависело бы от того, будет ли снег или нет, будет ли дождик или нет, — так жить социалистическому государству невозможно. Бороться с этим можно только одним, — повышая технический уровень крестьянского хозяйства. Повысить его без вложения туда капитала в кредит, и в долгосрочный кредит, конечно, невозможно. Если этот кредит будет организован пролетарским государством, если крестьянин будет знать, что пролетарское государство, давая ему деньги в ссуду, оказывает ему поддержку для восстановления хозяйства, то это будет лучшей связью, которой он свяжется со всей судьбой пролетарского государства. Если же это место займет вместо нас кулак, ростовщик, посредник и скупщик, то он получит такую экономическую мощь в деревне, с которой нам трудно будет бороться. Поэтому на-ряду с товарным голодом кредитный голод в деревне есть вещь чрезвычайно серьезная, на удовлетворение которой мы должны обратить сугубое внимание.

Третий голод, который мы видим в деревне, — это голод культурный. Владимир Ильич недаром писал, что промежуток времени, который отделяет нас от нового революционного столкновения между империалистическим Западом и революционным Востоком,—этим промежутком времени надо воспользоваться для того, чтобы «цивилизоваться». Конечно, Владимир Ильич имел в виду, в первую очередь, внесение

культуры в деревню, т.-е. не только учебу по книжкам, что, конечно, необходимо, не только школы, которые у нас до сих пор, надо прямо сказать, были в загоне, и на которые мы только сейчас можем и начинаем обращать достаточное внимание, — Ильич видел в этой задаче — во внесении культуры в деревню — не только буквари, не только книжки и школы, а прежде всего — внесение в деревню общественных навыков работы. Без этого поднятие хозяйственного и технического уровня в деревне — вещь совершенно невозможная. Именно поэтому Ильич посвящал так много времени кооперации, видя в ней не только лавочку, которая избавляет деревенского потребителя от ростовщика и посредника, но видя в ней орудие внесения общественно-коллективных навыков в деревню.

И, наконец, четвертый голод и, может-быть, самый острый, на который мы, во всяком случае, должны обратить особое внимание, — это голод по хорошей администрации, и не только голод об администраторе, который сверху придет и рассудит деревенские дела, а о такой администрации, которая была бы не только честна, но была бы фактически, реально связана с местными потребностями, с местными интересами, умела бы их правильно отражать и доносить доверху.

Крестьянство и власть.

Мы, ведь, должны отдать себе точный отчет, что чем более улучшается материальное положение деревни, тем она становится и политически более активной, и в ней идут, опять-таки на основе этих процессов материального улучшения, процессы расслоения. Мы не были бы марксистами, мы не были бы ленинистами и коммунистами, если бы мы закрывали глаза на то, что процесс материального улучшения деревни есть в то же время процесс ее расслоения. И недаром по закону, открытому Марксом и продолжающему действовать у нас, поскольку у нас имеется товарное и денежное хозяйство, не может деревня подняться без того, чтобы не выделить кулацкий, зажиточный, хозяйственный элемент. Вопрос о политическом оформлении этих настроений в деревне есть основной политический вопрос. Можно сказать, что для города политическая проблема решена,

поскольку громадное большинство рабочего класса, в лице лучших своих представителей, уже организовано нашей партией, а в лице остальных поддерживает нашу партию и имеет к нашей партии доверие и не имеет никаких поползновений искать где-нибудь руководителей, кроме как в коммунистической партии. В городе для масс эти задачи решены, но они не решены и не могут быть так просто решены, и за решение их придется долго бороться в деревне, ибо это есть вопрос о политическом оформлении повысившейся активности деревни. Мы должны дать себе отчет в том, что эти процессы только начинаются, мы еще плохо знаем деревню, мы еще не имеем достаточно материала для того, чтобы судить о расслоении, для того, чтобы четко выделить группы богачей, кулаков, середняков, бедняков и т. д. Мы только подходим к этому вопросу, но совершенно ясно, что чем дальше будет итти дело, чем больше в деревне будет нарастать процесс накопления, чем больше крестьянство начнет понимать, что советская система есть такая система, при которой каждый трудящийся может оказать влияние на государство, чем скорее крестьянин поймет, что его участие в совете известным образом влияет и на размеры и на характер налогов, и на размер и на характер законодательства, и на размер и на характер торговли и производства промышленности, тем больше и больше у крестьянина будет пробуждаться политический аппетит. И вот, вопрос заключается сейчас в том, пойдет ли эта политическая активность крестьянства мимо советской системы или через советскую систему.

Мы с вами за этот год — и этого нельзя упускать из виду — имеем два чрезвычайно острых показателя, как политическая активность идет мимо советов. Одни события — это те события, которые разыгрались в Грузии и которые, несмотря на массу местных элементов, которые осложняли недовольство крестьянства, несмотря на специальную подготовку из-за границы этого движения, все-таки имеют в себе и общий элемент. Этот общекрестьянский элемент, который покуда нашел благоприятную обстановку, чтобы вылиться там, на далекой окраине, в специфических условиях, но который мы должны чувствовать и во всех других областях нашей республики, заключается в попытке

крестьянства воздействовать на власть, идя мимо и помимо советской системы.

Чрезвычайно характерное явление, мимо которого мы тоже пройти не можем, — это те систематические покушения на представителей Советской власти — на рабкоров, сельков и т. д., которые довольно широкой волной прокатились по нашей стране. Не надо это преувеличивать. Это не всегда имеет политический характер, но хотя это есть извращенное выражение, вследствие темноты деревни, все же это является выражением каких-то новых процессов, происходящих в деревне.

Задача наша должна будет заключаться в том, чтобы, во-первых, ясно подчеркнуть, что деревня не та, какой она была в 1918 г., и что в следующем году она не будет такой, какой она является сегодня, если она опять не будет задавлена голодом, холодом и т. д. А мы не имеем никаких оснований это предполагать. Поэтому ЦК совершенно своевременно и, может-быть, даже с некоторым опозданием поставил вопрос об оживлении советской работы в деревне и об'единил это под лозунгом «лицом к деревне». Но «лицом к деревне» — это не значит «языком к деревне».

Как я уже говорил в самом начале, Владимир Ильич учил нас, что крестьянин — практик, реалист и верит не словам, не обещаниям, а делу. Когда мы звали крестьянина против помещика, — он шел за нами; когда мы отбивались от помещика, — он шел с нами; теперь он нас экзаменует и покуда верит нам в большой степени в кредит, потому что те цифры, которые я вам показывал, те эквиваленты на рожь и т. д. — это есть доверие крестьянина в кредит: что я-де вижу, что вы стараетесь, я понимаю, что у вас может выйти, но я еще посмотрю, выйдет ли. Вот для того, чтобы действительно крестьянин удостоверился, что выходит, мы должны будем продолжать экономическую политику, о которой я говорил.

И здесь мы должны больше подумать над с.-хоз. налогом, чтобы устранить из него произвол, сделать его более гибким и эластичным, мы должны внести в него больше элементов подоходности, чем было до сих пор, и устранить элементы натуральщины и грубости 1918—19 года, когда мы принуждены были прибегать просто к продразверстке.

Эти материальные меры должны быть дополнены чисто-политическими мероприятиями, ибо если мы не захватим и не охватим политического сознания в деревне своими щупальцами, если не дадим ему легальных каналов, правильных исходов, и если наши товарищи на местах не поймут нас, то в этом случае снизу нас будет всегда потрясать лихорадочное настроение крестьянства. А между тем, мы прекрасно знаем, что никаких принципиальных разногласий между рабочим классом и крестьянством, кроме его богаческих верхушек, нет и быть не может.

Мы знаем, что советская форма управления есть наилучшая форма согласования интересов рабочих и крестьян, есть лучшая форма, какая только может быть, выяснения пролетарских и крестьянских интересов, и вопрос заключается только в том, чтобы этой форме придать надлежащую ей жизненность. Но мы знаем, что у нас госаппарат, о котором Владимир Ильич 2 года тому назад говорил так, что бумага краснела. За 2 года этот аппарат не очень исправился. Там, на местах, внизу, мы до сих пор серьезной работы по проверке этого аппарата, по прочистке его, по проникновению его мыслью, что он на местах является не только агентом, сверху назначенным, а должен быть выразителем низовых интересов, — мы этой работы еще не проделали, мы к ней только начинаем приступать. Для нас совершенно ясно, и в ЦК ни в ком не вызывает сомнения мысль, что для нас выгоднее, чтобы политическое брожение и политическая активность, которая, несомненно, будет внизу пробуждаться,—чтобы все это шло по легальному каналу Советской власти, а не мимо него. Нам надо, чтобы советский аппарат на местах был достаточно чуток и гибок для того, чтобы передавать наверх все настроения, которые можно собрать внизу. Нужно, чтобы крестьянская масса видела в советском низовом аппарате свой собственный аппарат, не сверху назначенный, не командующий, а свой собственный. ЦК в целом ряде резолюций и постановлений и в специальных совещаниях по оживлению советов, по работе в деревне поставил вопрос о работе в деревне. На последнем пленуме ЦК нам пришлось слышать от многих членов комитета, приехавших с мест, что там, на местах, это понимают так, что это очередной маневр, что это-де надо для загра-

ницы, но в самом деле нам, на местах, изменять порядок не приходится. Это — коренная ошибка, которая могла бы подвергнуть нас тяжелым испытаниям.

Мы не имеем другого аппарата, кроме советского, чтобы быть в контакте с массами, и нельзя выдвинуть лучшего аппарата, кроме самих советов, для того, чтобы наверху постоянно ощущать те новые потребности, те новые влияния и те новые течения, которые есть в массах. Но если эти советы не станут в глазах крестьян подлинными их органами, то, конечно, можно ожидать возрождения той мысли, которая часто бродит в кулацких головах, на которую часто наталкивается крестьянин, сопоставляя свое положение с положением рабочего.

Именно начинает кристаллизоваться мысль об особой организации крестьянства для того, чтобы противопоставить ее профсоюзной организации рабочего класса, которая-де давит на правительство, работает совместно с правительством, выявляет перед ним свои стремления, — мысль о создании рядом с этой рабочей организацией нового какого-нибудь крестьянского союза, который сначала иногда доброжелательно может мыслиться крестьянами даже, как подпорка Советской власти, но который политически, благодаря логике положения, несомненно, был бы орудием разложения союза рабочих и крестьян. Но мало сказать и трудно будет доказать выросшему политическому сознанию крестьянства, что крестьянский союз идет не по линии союза рабочих с крестьянами, а является той ячейкой, которая может послужить рычагом контр-революционных сил, который может этот союз взорвать. Трудно будет это доказать крестьянину, пока он не увидит в своих местных советах орудие своего влияния, орудие влияния своих интересов, такой системы, при которой его интересы выслушиваются, принимаются во внимание и результат которой он может через некоторое время ощутить. Вот почему страшнейшим заблуждением было бы думать, что лозунг «лицом к деревне», воплощенный в ряде практических мероприятий, есть что-то такое дипломатическое, есть маневр, рассчитанный на верхи или даже для заграницы. Нет, это есть действительное политическое оформление того, что делается в деревне.

Надо действительно зарубить себе на носу: или мы, оживляя деревню экономически, подтягивая ее экономически, в то же время оформляем ее и политически в нашем стиле, или это экономическое оживление и политическая активность будут использованы против нас. У нас есть тут ряд выигрышных позиций, они заняты нами, надо только на этих позициях не стоять, не сидеть, а тем паче не лежать, а надо с этих позиций двигаться вперед. Не надо удовлетворяться тем, что у меня в совете 100 проц. коммунистов, или тем, что в волисполкоме 100 проц. коммунистов, а, наоборот, нужно итти по той линии, по какой пошел ЦИК, когда признал торжественным актом необходимость отменить ряд выборов в сельских местностях, где оказалось, что это не выборы, а действительно форменное издевательство над крестьянами. Нельзя крестьянина дешовым ситцем прикармливать и в то же время говорить: ты — хозяин, ты — союзник, у нас с тобой дружба, и производить выборы при участии 10 проц. всех избирателей, выборы, которые в конце-концов сводятся к назначению. И здесь командование и назначенство сверху должны все больше и больше заменяться действительными выборами. Это относится не только к советам, это относится и к другим организациям, в которых может найти свой выход общественная энергия крестьянства, прежде всего — к кооперации. ЦК специально заслушал доклад о состоянии кооперации всех видов и единогласно пришел к убеждению, что центр тяжести кооперативной работы в деревне теперь должен лежать в с.-хоз. кооперации, в которую мы гораздо шире, чем до сих пор, должны пустить крестьянина — раз, и, во-вторых, в которой должны обеспечить ему подлинную самодеятельность, подлинную выборность вместо назначенства. Конечно, так же, как и тогда, когда мы выдвинули политику снижения цен, нам говорили, что это есть крестьянский уклон — так и здесь. Говорили те, которые не понимают подлинной классовой политики пролетариата и не понимают гениальной идеи Ильича о союзе с крестьянством. Они говорили: значит, вы идете на уступки крестьянству. Ответ может быть один: нет вообще уступок хороших или плохих. Те уступки, которые укрепляют диктатуру пролетариата, хороши, те же уступки, которые ее ослабляют, плохи. Вот уступка в том

смысле, чтобы иметь внизу, в деревне, подлинный советский аппарат, который являлся бы подлинным выразителем крестьянских настроений, есть ли это уступка, которая ослабляет диктатуру пролетариата или ее укрепляет? По-нашему, и тут мы все единодушны, это есть не уступка, а то улучшение, которое необходимо теперь уже сознательно провести, чтобы действительно укрепить диктатуру пролетариата, иначе она будет испытывать постоянно подземные толчки.

Кооперирование широких масс населения и связь этих масс с промышленностью победят частный капитал.

Заканчивая общую характеристику этой политики, мне рисуется такая картина: к чему мы, собственно, направляемся? Отвечаю: к широкому кооперированию крестьянства по методам В. И., а это действительное участие действительных масс крестьянства в кооперации снизу и развитая, двигающаяся вперед, расширяющаяся промышленность города. Вот те клещи, в которых та дробь, которая пытается нам угрожать, эта дробь новой буржуазии и частного капитала может быть подлинно раздавлена. Ее нельзя подавить административными мерами, мы ее можем задавить только между этими двумя факторами — кооперированием широких масс населения, с одной стороны, и связью этой массы с развитой, все время двигающейся вперед промышленностью. Вот тогда для частного капитала и для роста его экономических сил действительно не будет места; это не значит, конечно, что мы можем это осуществить сегодня или завтра. Мы знаем, что кооперация еще слаба, мы ей не можем уделять много средств. С.-хоз. кооперация очень слаба, но путь, которым мы должны итти, ясен: оживление советской общественности в крестьянстве, построение советов такое, чтобы крестьянин видел в них подлинный орган своего влияния, подлинного передатчика наверх своих пожеланий. И шел бы к этому органу, как к своему избранному, а не к назначенному сверху. И затем развитая, все более двигающаяся вперед, скапливающая в своих стенах все большие массы пролетариата городская промышленность. Это — тот путь, при помощи которого мы

можем избежать той крестьянской ограниченности, на которую указывал и В. И. в своих последних статьях, и которую пытаются навязать нам наши критики, не давая себе труда в отчете о том, о чем идет речь. Если бы мы нашу промышленность разбазарили мелкому хозяйчику, и под'ем крестьянского рынка не дополнялся бы еще более широким под'емом городской промышленности, тогда мы действительно шли бы не вперед по пути развития социалистического хозяйства, мы шли бы к мещанскому благополучию мелких хозяйчиков. А этих мелких хозяйств у нас 22 миллиона. Тогда действительно это было бы царство мелкобуржуазного хозяйства. В. И. предупреждал нас об этой опасности, но он указывал и тот путь, который спасает от превращения пролетарской республики в царство мелких хозяйств. Это есть параллельное развитие крупной промышленности. Это — двойной процесс кооперирования крестьянства и установления связи этого крестьянства с развивающейся промышленностью. Надо только соблюсти и найти правильные, жизненные пропорции. Мне кажется, что тот отчет, который я сделал, показывает, что решение основного вопроса — соотношения между рабочим классом, крестьянством и партией — означает решение всех остальных вопросов. А неправильная постановка этого вопроса приведет к тому, что все экономические успехи не будут иметь никакого значения, ибо каждый экономический успех может быть повернут на социалистический путь и на путь капиталистического накопления. Восстановление нефтяных источников, Донбасса, заводов и т. д. — все это очень хорошо и абсолютно необходимо, когда это ведет к усилению политической власти рабочего класса. Но все это очень плохо, если на этой базе будет расти частный капитал, будет расти его мощь, будут устанавливаться связи между частным капиталом и деревней. Тогда эти цифры повернутся против нас и за капиталистическое перерождение. Когда мы начали новую экономическую политику, мы не забывали указывать, что опасность экономического перерождения существует. 22 миллиона крестьянских хозяйств, свободно торгующих продуктами своего производства, неизбежно выделяющие посредника-скупщика, собирающего свой капитал, — это есть реальная опасность при том положении, что мы допустили

товарное денежное хозяйство. Парализовать эту опасность можно только тогда, когда мы правильно наметили связь между рабочим классом, крестьянством и партией. Констатируя это положение, я тем самым перехожу к внутрипартийным делам. Это правильное установление взаимоотношений между партией, рабочим классом и крестьянством — было ли оно свойственно всем кругам нашей партии? Тот ответ, который давал Ленин на поставленный вопрос, был ли воспринят всеми? Нет. Я уже в начале своего доклада указывал, что политика, которая проводилась партией под этим знаменем, с самого начала встретила очень решительное сопротивление и критику. Вы помните, что в тот момент, когда мы в ЦК формулировали начала этой политики, когда мы в продолжение года вели эту политику, против нас была выставлена другая платформа. За год мы успели ее позабыть. Я сегодня просмотрел ее, и, думаю, полезно напомнить ее и вам: надо же заставлять людей и, тем более, товарищей, отвечать за свои слова и подводить итог своим мыслям. Вот что писали в октябре 1923 г., т.-е. месяцев 14 назад, накануне денежной реформы, политики снижения цен, расширения крестьянского рынка и т. д., вот что писали в знаменитой записке 46-ти:

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас... сказать вам открыто, что продолжение политики большинства политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июня этого года хозяйственный и финансовый кризис со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партии как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений.

Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, — успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство, или, вернее, на отсутствие всякого руко-

водства, — не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым общеэкономическим кризисом...

Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними осложнениями и с полным параличом нашей внешней активности и дееспособности».

Вот та оценка нашей политики, которая была сделана, как общая, так-сказать, характеристика деятельности ЦК. Но затем, совершенно логично, из этой же общей характеристики выводились те возражения, которые встречала каждая из сейчас мною просмотренных вместе с вами мер. Мы имеем ряд заявлений, которые предрекали гибель нашей денежной реформе. Мы имеем ряд заявлений, тогда же сделанных товарищами, подписавшими эту общую характеристику, направленных против снижения цен. Мы имеем ряд заявлений, направленных против той политики, которая рассчитывала для восстановления хозяйства прежде всего на расширение именно крестьянского рынка.

Вопрос о т. Троцком.

Таким образом, эти вопросы отнюдь не встречали в нашей партии единодушного ответа, и та дискуссия, которая сейчас получила особенно острое выражение в форме выступления тов. Троцкого, отнюдь не была случайной. Для нас было совершенно ясно, что это есть продолжение той же самой линии, которая сказалась в сейчас прочтенном заявлении, и с которой тов. Троцкий тогда же солидаризировался. Я не буду затруднять вас аргументами последней дискуссии по поводу последней книги тов. Троцкого. Укажу только, что эта книга вновь подтвердила два основных греха той политики, которая противопоставлялась политике ЦК. Эти грехи — недооценка крестьянства, которая может принимать самые разные формы и под искусным пером тов. Троцкого приняла очень революционную по внешности

форму перманентной, т.-е. непрерывной, революции. Это — один грех, основной, и другой, не менее основной, — неумение правильно поставить вопрос о руководящем значении партии.

Для нас нет никакого сомнения, что в этой оппозиции сошлись различные элементы, в ней слились товарищи, отражавшие разные противокоммунистические струи в нашей стране, а противокоммунистические струи в нашей стране идут из разных, очень различных источников. И основная теорема, основное построение Ленина, правильный ответ на основной вопрос в отношении классов, крестьянства и партии подвергся критике с разных сторон.

Троцкому удалось все это собрать воедино, и поэтому его учение переливает разными цветами радуги. Поэтому его могут воспринять, как свое, самые разные элементы, только не коммунистические, те, которые в той или другой степени пытаются найти для себя знамя против коммунистической партии.

Но во всех этих цветах радуги основное явление — это недооценка крестьянства и неумение правильно поставить вопрос о руководящей роли партии.

Одновременно с этим заявлением, которое я прочел, выдвинулась теория, которая сводится к тому, что надо отодвинуть партию от непосредственного руководства советским аппаратом. Вы знаете, что эта теория, которая особенно остро развивалась в прошлогодней дискуссии, отнюдь не защищала той азбучной истины, которая записана во всех резолюциях наших с'ездов, что партия не должна заменять советы, не должна дергать советскую работу, что партия имеет свое место, советы свое место, — дело было не в повторении этой всем ясной вещи, дело было в попытке известного слоя советской бюрократии освободиться от того, что казалось игом руководящей роли партии. Разве тогда мы не слышали тоже от одной из этих платформ иронического замечания насчет того, что надо прекратить привилегию партбилета?

Все это было и все это сливается в один поток, все это обусловливается неумением правильно разрешить вопрос о соотношении советского строительства и партии. Но именно здесь ошибка могла дать громадные последствия. Это

не только литературная, теоретическая ошибка именно потому, что мы вступаем в период давно ожидаемого оживления. Мы этого оживления ожидали, но политически встретить его как следует мы только теперь учимся. Заранее нельзя было предвидеть, как мы политически должны встретить новую классовую прослойку, классовые соотношения, рост крестьянской активности, которая является результатом улучшения материального положения страны. Именно в этой обстановке, именно при нэпе, при оживлении крестьянства, вопрос, как построить систему взаимоотношений советского аппарата и партии, приобретает особое значение. Именно потому, что нам приходится особенно маневрировать, потому, что мы должны дать в советской системе отдушину настроения широких крестьянских масс, — именно поэтому руководящая роль партии в нашем сознании, в наших головах особенно должна быть укреплена. Это можно, примерно, сказать так: кони стали ретивее, мы едем на тройке гораздо быстрее и движемся вперед скорее, чем это было несколько лет назад, и поэтому вожжи должны быть в руках компартии крепче натянуты. Это не значит, что это есть, говоря языком Внешторга, лицензия или разрешение на головотяпство, глупость, грубость, на командование, на комчванство, — нет! Ты умей осуществить руководство без командования, без комчванства, но не выплесни из ванны с водой и ребенка. С отрицательными сторонами командования, комчванства и т. д. не выплесни сознания того, что чем страна становится в классовом смысле сложнее, чем жизнь и классовые соотношения становятся более сложными, тем руководящая роль партии, которая должна вести страну при этих усложняющихся классовых отношениях, должна быть в нашем сознании глубже укреплена.

Если бы мы допустили какие-нибудь колебания в этом пункте, если бы колебания в этом пункте были дополнены колебаниями в вопросе о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства, — это значило бы, что основной узел всех взаимоотношений мы из рук упустили бы и руководящее значение, как партия, потеряли бы незаметно для себя. И мне думается, что резкий, недвусмысленный, единодушный отпор всей партии и в прошлогодней дискуссии, и еще паче в этой дискуссии, по поводу выступления тов. Троц-

кого, показывает, что партия поняла, что здесь речь идет не о мелочах, здесь речь идет не о прошлом, не об истории, не о теории перманентной революции, здесь идет речь об основных вопросах сегодняшнего и завтрашнего управления страной и о вопросах сегодняшнего и завтрашнего фактического, реального осуществления диктатуры пролетариата и руководящего значения коммунистической партии. И именно поэтому оппозиция тов. Троцкого стала символом всех антикоммунистических сил.

Конечно, никто из нас не представляет себе дела так, что все, которые теперь поддерживают тов. Троцкого, влюбились в тов. Троцкого или что они поддерживают его, забыв его роль в Октябре. Нет, но потому, что в ходе классовой борьбы слово — не воробей, и позиция не определяется только личным желанием того или другого товарища и его суб'ективным настроением, а определяется соотношением классов. А соотношение классов у нас в стране такое, что нападение на коммунистическую партию, недооценка крестьянства, покушение на руководящую роль коммунистической партии немедленно подхватываются всем мелкобуржуазным окружением и так дорого ценятся, что никакие октябрьские заслуги не могут перед этой мелкой буржуазией закрыть того факта, что она нашла во вчерашнем герое революции согодняшнего своего знаменосца. Вот та логика классовой борьбы, которая заставила всю мелкобуржуазную, нэповскую, бюрократически-настроенную часть нашего государственного аппарата сразу поднять на щит Троцкого и только потому не выступить с его яростной защитой, что у них для этого нехватило мужества, — это и показывает коренную ошибку тов. Троцкого.

ЦК после того, как вся партия именно таким образом оценила выступление тов. Троцкого, как сигнал к наступлению всех антикоммунистических сил, как формулу, в которую вложились все антикоммунистические силы, должен был сделать организационные выводы. Нужно сказать, что ЦК, прежде чем вынести решение, имел дело с двумя новыми факторами. Одним из таких факторов было письмо тов. Троцкого к ЦК, другим фактором была оценка выступления тов. Троцкого со стороны наиболее умных и искусных наших врагов. Действительно, для того, чтобы

проверить нам самих себя, чтобы ответить на вопрос, а может-быть, мы в дискуссии слишком увлеклись, а может-быть, партия поддалась инерции и недостаточно хладнокровно взвесила выступление тов. Троцкого, — может-быть, для того, чтобы проверить это, надо было бы действительно, чтобы наш враг сказал свое слово, надо было бы испытание на врага. И вот, как-раз накануне открытия ЦК, враг именно и сказал свое слово. И это слово врага подтвердило: да, партия была права в своей оценке выступления тов. Троцкого, которое только венчало все выступления оппозиции против всей политики ЦК за последние полтора года. Да, партия была права. Этот документ настолько важен, что я вам его прочту, он, кажется, нигде не напечатан, а вместе с тем имеет большое значение.

Вот передо мной книга тов. Троцкого, его «Уроки Октября», переведенная на немецкий язык, к сожалению, отнюдь не коммунистической партией, а шейдемановцами, и переведенная с предисловием известного ренегата коммунизма Пауля Леви. Мы знаем, что Троцкий, узнав о том, что соц.-демократы шейдемановцы вместе с ренегатом Леви собираются издать его книгу, протестовал телеграфно, но опять-таки, повторяю, логика классовой борьбы сильнее пожеланий того или другого человека. С того момента, когда это произведение было напечатано, оно перестало быть личной собственностью тов. Троцкого, оно стало политическим документом, который используется в классовой борьбе против коммунизма всеми, кому это выгодно. И если оказалось, что это произведение выгодно издать шейдемановцам и ренегатам против нас, то это опять-таки не потому, что Троцкого они сразу полюбили, а потому, что этот документ политически играет им на-руку против коммунизма. Но мало того, что они выпустили эту книжку и снабдили ее предисловием Леви, — в своем органе, в органе Шейдемана, они напечатали следующее воззвание:

«Книга, которую все ждали. Троцкий. «Уроки революции 1917 г.». Из ряда вон выходящее серьезное событие, из тех, которые за последнее время разыгрываются в России и находят себе почти ежедневно отклик по всей иностранной печати, имеет безусловно мировое значение. Речь идет о конфликте между Троцким и прочими народ-

ными комиссарами в России. Это не личные столкновения, а расхождения между пониманием марксизма, как его усваивают рабочие партии в Западной Европе и как его истолковывают методы зиновьевского творчества. (Зиновьев тут, конечно, ни при чем, потому что, насколько я знаю, Зиновьев еще не придумал ничего другого, кроме того, что сказал Владимир Ильич, и Зиновьев просто здесь поставлен потому, что, как выразился член ЦК тов. Евдокимов, оглашавший это письмо, даже самым большим подлецам иногда бывает неудобно и неприятно употреблять имя Ленина). Глубина этой распри видна из того факта, что Троцкий снят с руководящих постов, и врачи здравоохранительной комиссии посылают его на юг России, обосновывая это тем, что «суровый московский воздух ему вреден». Верны ли газетные сообщения о кровавых происшествиях в Москве, связанных с от'ездом Троцкого, не существенно в сравнении с значительностью событий. (Эти умные люди не поддадутся на газетную утку. Что им сказки о никогда не бывшей стрельбе; они берут политические факты, а не эффектное вранье!). В своей книге «Уроки революции 1917 г.» Троцкий изложил свое понимание марксизма, не согласное с Зиновьевым и с его учениками и критически уничтожающее способы нынешних владык России. (Это вы, товарищи, сидящие в этом зале). Сочинение Троцкого в России придушено, его вывоз за границу воспрещен, зато еще до выхода в свет книги Троцкого в заграничных широких кругах было сильно распространение ответных возражений правительства. В интересах европейского рабочего движения настоятельно необходимо, чтобы получили самую широкую огласку доводы Троцкого, более или менее составляющие достояние рабочего движения в Европе. (Конечно, того рабочего движения, которое представляют эти господа, а не коммунистическая партия). Издательство считает своим публицистическим долгом ознакомить германских рабочих с существенным извлечением из запретного сочинения Троцкого, в котором он уточняет весь охват своих взглядов, своего марксистского понимания. Книга сопровождается предисловием известного социалистического депутата, доктора Леви, просматривающего аргументацию Троцкого с точки зрения германского рабочего движения. Эти вопросы будут играть

решающую роль во всех областях рабочего движения: в партиях, профсоюзах, рабочих кругах и т. п., равно как при дальнейшем разоблачении восточного преобладания марксизма и зиновьевского большевизма. Поэтому сочинение Троцкого незаменимо для каждого, кто в какой-либо степени соприкасается с рабочим движением. Немедленно подписывайтесь на книгу сами и рекомендуйте ее всем».

Товарищ Стриевский просит, чтобы я докончил чтение: «при покупке по 75 пфеннигов за экземпляр приобретший 10 экз. один получает бесплатно». Вот общая оценка самых умных и самых опасных наших врагов.

Как же отозвался тов. Троцкий на всю постановку этого вопроса, который действительно приобрел уже мировое значение? Как вы знаете, тов. Троцкий прислал в ЦК письмо, оно напечатано, и я его читать не буду. Для вас всех, для каждого коммуниста вопрос заключается в одном: есть ли в этом письме хотя бы намек на сознание своих ошибок, есть ли в этом письме хотя бы намек на отказ от каких-либо из занятых им позиций? Наше общее и глубочайшее убеждение, что это письмо именно тем и характерно, что оно не заключает в себе ни малейшего намека на сознание тов. Троцким ошибочности своих позиций и ни малейшего намека на то, что он готов сдать хотя бы одну из своих позиций. Этого нет. Письмо написано достаточно ловко, мы знаем, что тов. Троцкий — литератор достаточно хороший. Но этот дипломатический документ нельзя причислить к таким документам, после которых партия должна бы встать и сказать, что она должна пересмотреть свой приговор по поводу выступления тов. Троцкого. Наоборот, если мы хотим открытыми глазами глядеть на будущее, то мы должны сказать, что тов. Троцкий в этом письме оставил за собою все свои позиции. Он сказал одно: «Сейчас вы сильнее меня, и я поэтому не стреляю, я подчиняюсь, но все свои батареи я оставляю в боевой готовности и из всех них буду палить, когда найду для этого подходящий час и время». Вот политический смысл этого письма, и только так и можно его оценивать. В этом письме — разве только для политических младенцев — содержится заявление, что т. Троцкий готов работать на любом месте. А как же иначе? Разве об этом член партии должен

писать в ЦК, что он готов работать на любом месте? У нас есть только два выхода: или ты работаешь на том посту, на который тебя назначает партия, или ты выходишь из партии. Заявлять по поводу дискуссии, что я готов работать на любом посту, — этого мало. И, наконец, второе практическое предложение заключается в том, что тов. Троцкий говорит: «Не зачем доказывать, что после последней дискуссии интересы дела требуют освобождения меня от обязанностей председателя Реввоенсовета». Я обращаю внимание на то, что, на наш взгляд, то обстоятельство, которое требует устранения тов. Троцкого от руководства Реввоенсоветом, заключается, прежде всего, в его собственной ошибке. Такая формулировка, что «интересы дела» этого требуют, создает такое представление, что Троцкий не ошибался, а партия на него обрушилась, его дискредитировала, и он, будучи совершенно прав по существу дела, но будучи дискредитирован, не может занимать такого поста. На взгляд ЦК дело обстоит не так. Не потому тов. Троцкий должен быть лишен поста руководителя Реввоенсовета, что он неправильно дискредитирован партией, а потому, что его политическая позиция лишает его поддержки партии, а строить армию и руководить армией, не пользуясь полным и абсолютным доверием партии и полной доверенностью со стороны партии, — невозможно. Вот почему ЦК ни минуты не сомневался в том, что это письмо не только не заставляет его пересмотреть решение партии, а, наоборот, должно укрепить партию в необходимости сделать соответствующие организационные выводы. ЦК считает в своем последнем решении невозможным продолжение работы т. Троцкого на посту председателя Реввоенсовета и будет предлагать в советском порядке немедленно его снять с этого поста. С другой стороны, ЦК решил условно оставить тов. Троцкого членом политбюро. Сама резолюция указывает на то, что это условное оставление связано с решением будущего с'езда, и что тов. Троцкий оставлен при том условии и с тем предупреждением, что впредь до будущего с'езда малейший шаг в сторону нарушения им партийной дисциплины или выступления, направленного против ЦК и против общеустановленных партией взглядов, повлечет за собой применение экстренных мер в смысле исключения из политбюро, а может-

быть, тем пунктом, который указан в уставе партии, и из ЦК партии. Таково решение ЦК. Самое характерное в нем, конечно, для нас, для партии,— не для страны, которая, вероятно, всего горячее и всего острее отнесется к вопросу о снятии Троцкого с поста председателя Реввоенсовета,— это условное оставление тов. Троцкого, как члена политбюро. Поскольку этот вопрос поставлен в связь со с'ездом, постольку ЦК ясно заявил, что он не хочет делать решающего шага, не получив одобрения законного верховного органа партии. Таким образом эта условность поставлена в зависимость от решения с'езда. Я думаю, что в этом смысле вопрос можно считать предрешенным.

Я подошел к концу моего доклада и хотел остановиться только в нескольких словах, очень кратко, на нашем внешнем положении. Нет никакого сомнения, что тот процесс роста могущества экономического и политической скрепы в нашей республике, который не мог быть нарушен и выступлением тов. Троцкого, привел, несомненно, к поднятию и морального, и материального веса нашей республики в мировом масштабе. За этот год мы имеем за собой серию признаний, которые как бы нарочно к нашей конференции закончились признанием нас со стороны Японии. Мы неоднократно оценивали с вами в партийной среде значение этого признания. Мы его не преуменьшаем, и мы отдаем себе отчет, что признание со стороны таких заядлых бывших врагов, как Франция и Япония, не может быть не чем иным, как свидетельством нашей мощи и крепости, как сознанием банкротства той политики, которую и Франция, и Англия, и Япония вели против первой социалистической республики. Но, вместе с тем, мы не должны переоценивать их значения. Не думайте, что признание гарантирует мир. При признании труднее мир нарушить, но только формально.

Продолжение кампании против Советской власти со стороны буржуазных государств налицо, и признавшая нас чуть ли не первой Англия теперь ведет против нас интриги по всему свету так же хорошо, как если бы она нас не признавала. Записывая, следовательно, признание нас в свой актив, мы в то же время ни на минутку не должны предаваться излишнему оптимизму.

Позвольте мне закончить свой доклад цитатой из сочинений Владимира Ильича, и я прошу те факты, которые я привел, оценить с точки зрения этих указаний Владимира Ильича: «Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед более широкой и мощной массой не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед. Если будем двигаться так, что действительно будет двигаться вся масса с нами, тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем». Товарищи, по-моему, мы присутствуем при начале именно того ускорения движения, которое здесь предрекал нам В. И. Ленин. (Аплодисменты).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Первый заданный мне вопрос касается смысла лимитов и лимитной политики. Я кратко ответил на этот вопрос, когда говорил, что мы имели летом этого года очень высокие цены на хлеб, такие цены, при которых осуществить закупку 300 милл. пудов рабочими и государственными организациями было бы чрезвычайно трудно. Наш маневр заключается в том, чтоб дать крестьянству больше за хлеб, чем в прошлом году, но не дать всей цены, какая пред'являлась, опираясь, между прочим, на недород этого года. Мы заплатили до сих пор в среднем на всю 200-миллионную закупку 84 к. за пуд, против стоявшей летом цены по 1 руб., 1 руб. 10 к. и 1 руб. 20 коп. [1]). Это достигнуто при помощи лимитов. Иначе этого нельзя было достигнуть, как только при помощи установления твердой цены для наших хлебозаготовителей.

Конечно, это произвело некоторое впечатление как бы нашей борьбы с крестьянством, и это, между прочим, служит ответом на несколько паническое настроение тов. Исакина. Тов. Исакин не понял. Наш лозунг — лицом к деревне, смычка с крестьянством — не означает, что мы желаем подчиниться крестьянству во всех хозяйственных и политических вопросах, где есть некоторое расхождение интересов.

Когда крестьянство, в лице своей верхушки, летом этого года поставило вопрос таким образом, что мы теперь сдерем с города, с пролетария за хлебушко по рублю, то политика союза с крестьянством отнюдь не означала, что мы должны были стать на колени и этому велению подчиниться. Нет, мы должны были поторговаться. Мы сказали, что по 50 коп.

---

[1]) См. табл. «Б».

не годится, но и по рублю тоже не годится, а вот 80 коп.— это цена справедливая и по крестьянскому, и по рабочему классу, и создали союз на почве не 50 коп. и не рубля, а 80 коп. Крестьянство в своих высших слоях, которые скупили хлеб у бедняков, немножко поартачилось, но союз рабочих с крестьянством отнюдь не означает семейного счастья без всяких потрясений. Это, ведь, классовый союз, и тут ГПУ отнюдь не хоронится, и борьба за хлебные цены тоже не хоронится, и борьба за промышленные цены тоже не хоронится.

Этот союз осуществляется в ряде столкновений в тех пунктах, где расходятся непосредственные экономические интересы. Вопрос для пролетариата, который держит в своих руках власть, заключается только в том, чтобы эти столкновения, эти трения, неизбежные, раз существуют два класса, чтобы эти столкновения ввести в правильное русло, чтобы эти столкновения не приобретали стихийного характера, и чтобы весь свой аппарат построить таким образом, чтобы улавливать настроение крестьянства и в необходимых условиях итти ему навстречу, а в других условиях сказать, что мы этого не можем, и ты должен понять, что пролетарское государство требует того-то и того-то.

Вот как нужно понимать союз с крестьянством, а не так, что мы подчиняемся всем требованиям, которые идут от разных слоев крестьянства. И ГПУ, и борьбы за хлебную цену, и борьбы за улучшение положения рабочего класса мы не прекращаем. Крестьянин получил в среднем на 20 коп. больше, а если вы умножите эти 20 коп. на 300 милл., то вы получите огромную сумму денег, которую государство передало крестьянству сверх прошлогоднего, и, следовательно, получилось расширение крестьянского рынка, вырос спрос крестьянства на продукты городской промышленности, а, с другой стороны, мы получили запас хлеба в 300 милл. пуд., что делает нас хозяевами на хлебном рынке и не позволяет частному скупщику хлеба вносить революцию в рабочий бюджет, а, следовательно, и в нашу политику заработной платы.

Мне думается, что этим политика лимитов оправдана, хотя при проведении их на местах были допущены и грубые ошибки. Я уже докладывал, как эти лимиты, которые пред-

ставлялись для нас, как сговор государственных заготовителей относительно цен, по которым они собирались скупить хлеб, в волисполкоме приобретали совсем другой характер, и там писали, что это — твердые государственные цены на хлеб, что государство установило твердые цены, выше которых никто продавать не может. Так толковать — значит осуществлять союз рабочих и крестьян так, чтобы разозлить крестьянство, потому что тогда частный скупщик приходит и говорит: «я дал бы тебе 70 коп., а вот большевики определили твердую цену 60 коп. и запрещают давать за хлеб дороже».

Таким образом, если подменять конкуренцию на рынке, на котором мы являемся самой крупной силой, потому что в наших руках и кредит, и бюджетные средства, если подменять это административными распоряжениями, проводимыми по-дурацки, простите за выражение, как это было иногда сделано, и писать, что государство установило цену в 60 коп. и что того, кто продаст дороже, нужно чуть ли не в ГПУ тащить, — если подменять эти экономические меры такими административными распоряжениями, тогда можно поссориться с крестьянством.

Нам надо было с крестьянством поторговаться за то, чтобы цены на хлеб в этом недородном году понизить, и сделать это нужно было не административными распоряжениями, а экономическими мероприятиями, которые крестьянину дали выгоду, потому, что те несколько сотен миллионов, которые он получил лишка против прошлого года, рабочий класс не потрясли, а вместе с тем дали такую цену, которая для рабочего класса и для нашего государства оказалась как-раз по плечу.

Теперь разрешите перейти в очень кратких словах еще к одному вопросу, а именно к тому, что указывал здесь тов. Столяров. Он спросил, что это за 84 коп. 84 коп. — это цена, которую крестьянин в среднем получил, привезя свой хлеб на ссыпной пункт, но это не значит, что каждый крестьянин во всем Союзе получил ровно 84 коп. Это средняя цена, и так как тов. Столяров связан с Сибирью, где цены были ниже, то ему эти 84 коп.

показались странными, но если сосчитать не только Сибирь, а и те цены, которые должны мы были платить на Украине и на Кубани, то выйдет в среднем 84 коп. Конечно, вещь чрезвычайно любопытная, куда направились главные потоки денег, которые государство и кооперативные организации истратили на хлеб, и где больше всего этих денег собралось? Тут я должен согласиться с тов. Столяровым, что в Сибири было меньше этих денег, чем на Украине и на Юго-Востоке. На одном из заседаний с представителями мест товарищи-украинцы называли цифру денег, которую в этом году украинское крестьянство взяло за хлеб. Оказывается, что в этом году украинское крестьянство перебрало за хлеб против прошлого года 200 милл. рублей.

Откуда-нибудь взялось это. Ясно, товарищи, что концы с концами надо сводить. Если мы металла больше продаем, ситца больше продаем, так средства где-то есть. Следовательно, 84 коп. — это и есть средняя цена. На Украине и на Юго-Востоке мы платили несколько больше. В Сибири эта цена ниже 84 копеек.

Тов. Столяров поставил чрезвычайно важный вопрос о том, что если мы сейчас с хлебом находимся в некотором недостатке, — у нас, как я сказал, дефицит, собственного хлеба для удовлетворения потребности нехватит, — то обращаем ли мы внимание на заготовку, закупку и продажу остальной сельскохозяйственной продукции? Конечно, мы были бы никуда не годными политиками, если бы, болтая о союзе с крестьянством, рассуждая о том, что мы должны стать «лицом к деревне», не обратили внимания на то, нельзя ли крестьянину помочь тем, чтобы вместо вывоза основной продукции сельского хозяйства — хлеба, которого в этом году недород, купить и вывезти другую продукцию его хозяйства. Мы это сделали. У нас недород сказался сравнительно слабо, он не оборвал нашего хозяйственного развития, *так как недород хлебов сопровождался хорошим урожаем технических культур, и так как реализация этих культур представляет большую выгоду и играет в деле смычки с крестьянством очень большую роль, то мы и обратили внимание на эти технические культуры.*

В первый момент, когда выяснилась невозможность хлебного вывоза, мы дали директиву налечь на вывоз других продуктов сельского хозяйства. Я приведу вам некоторые цифры, которые дадут возможность конкретно судить, как выразилось это внимание в деревне на простых фактах.

В этом году мы имеем программу вывоза на 466.000.000 рублей при ввозе на 392.000.000 рублей. Если округлить эти цифры, то получится, что мы хотим ввезти на 400 миллионов и вывезти на 475 миллионов рублей. Выдержим ли мы эту линию? Должен сказать, что, видимо, не выдержим. Видимо, придется наш вывоз несколько сократить, а ввоз увеличить. Именно потому, что у нас товарный голод — это раз, и хлеба нехватает — это два. Но во всяком случае мы ввоз и вывоз сбалансируем таким образом, чтобы никакой дыры не было.

Что мы собираемся вывозить? В прошлом году мы вывезли 200 миллионов пудов хлеба. Чем в настоящем году мы это компенсируем? Мы, например, страшно увеличиваем вывоз нефти — до 80 миллионов, но не только это. Я назову цифры вывоза продуктов, которые ближайшим образом касаются крестьянства. В этом году мы собираемся вывезти коровьего масла на 36 миллионов рублей. Это увеличение очень серьезное, не меньше, чем в два раза против прошлого года. Эти 36 миллионов рублей от вывоза коровьего масла — громаднейшая поддержка сибирскому крестьянству и его маслоделию. Далее яиц предположено вывезти на 17½ миллионов руб. против 5½ миллионов рублей прошлого года, битой птицы — на 3.600.000 рублей, растительного масла (подсолнуха и т. д.) — на 3.000.000 руб. Далее — лен на 36 милл. руб., кудель и т. д.

Наконец, продукты животноводства, например, свиньи, в большом количестве предположены к вывозу. Вы видите таким образом, что мы восполняем недовывоз основного продукта сельского хозяйства — хлеба в зерне — другими продуктами сельского хозяйства и, таким образом, восполняем крестьянский бюджет и начинаем вместе с тем завоевывать для сельскохозяйственной продукции за границей более выгодные условия, так как, несомненно, выгоднее вывозить свинину, чем хлеб, выгоднее вывозить масло, чем сырой продукт в виде хлеба, и т. д. А это знаменует улуч-

шение и повышение технического уровня нашего сельского хозяйства.

Таким образом, тов. Столяров немножко несправедливо сказал, что мы за этим как бы не следим. Нет, следим и имеем в виду при этом сомкнуть крестьянское производство с заграничным рынком. При этом мы не глухи к тому, что говорят, что вот-де некоторые добрые иностранцы купили бы сельскохозяйственную продукцию и дали бы за это хорошую цену, да вот большевики установили монополию. Есть такие слухи. Их нужно разбить не только путем агитации и выяснения, а главным образом, конкретной политикой, которая покажет, что монополия внешней торговли служит против растаскивания продукции производства крестьянина конкурирующими европейскими капиталистами, которые, конечно, ограбили бы мужика. Тот доход, который получается от разницы между внутренними ценами и заграничными, и который положили бы себе в карман частные капиталисты: немец, англичанин и другие, мы хотим оставить в руках рабоче-крестьянского государства и направить этот доход на техническое улучшение того же крестьянского хозяйства.

Затем несколько слов о политике ЦК по поводу крестьянства. Тов. Исакин немножко впал в панику, я думаю, излишнюю, и прав был против него тов. Коротков, который употребил счастливое выражение, что горькое лекарство нужно принимать. Конечно, то, что мы сейчас даем, может оказаться горьким лекарством для деревенского работника. Товарищ Исакин говорит, что кроют деревенских коммунистов. Ну, а разве хозяйственников мы мало крыли? А профсоюзников разве мы не крыли? Кого только мы не крыли!

У нас дело обстоит таким образом. Как только партия обратит внимание на ту или иную область нашей работы, как товарищи, которые более или менее спокойно до тех пор сидели на своих местах, вдруг попадают под обстрел. Что же делать? В этом и сила нашей партии, что мы не боимся себя критиковать. И помните, в прошлом году, когда мы ополчились против хозяйственников-«монополи-

стов», сторонников сверхприбылей, и когда принимали всякие резолюции, может-быть, им и неприятно было, но это надо было сделать. Никто не уменьшает тяжкой доли деревенского коммуниста. Каждому коммунисту сподручнее работать в пролетарской среде. Доля деревенского коммуниста тяжела, и ответственна его работа, но это не значит, что партия должна отречься от того, чтобы время-от-времени пересматривать состав, поправлять ошибки, производить чистку, при чем мы шлем туда дополнительные силы.

Деревенский коммунист может ждать теперь от партии не только критики, но и помощи, и помощи той, о которой говорил тов. Исакин, — литературой, и помощи газетной, и помощи руководством, потому что, конечно, то количество циркуляров, об'яснений, раз'яснений, поездок руководящих товарищей в деревню на места, которое теперь делается и будет еще происходить, раньше не происходило, и это будет помогать деревенскому коммунисту и поднимать его авторитет. Так что я думаю, что здесь тов. Исакин жаловался напрасно и не во-время. Подождите, сначала это горькое лекарство примем, посмотрим, что из этого выйдет, и тогда, может-быть, будем жаловаться на нажим, а теперь пока еще очень-то не нажимали. Вторая нотка, которая у тов. Исакина мне показалась не совсем правильной, это то, что он говорит: вот, смотрите, что-то в крестьянстве начинается, говорит о крестьянском союзе, о крестьянской партии, о фракции беспартийных.

Вот здесь ошибка тов. Исакина, эти две вещи нельзя смешивать. Крестьянский союз и крестьянская партия — это одно, беспартийная фракция — это другое. Если мы во всякой попытке беспартийного крестьянства высказать свое мнение, повлиять на наше решение будем видеть зачатки крестьянского союза или крестьянской эсеровской партии, то советов мы не оживим, тогда не зачем об этом болтать. Оживление советов на местах есть проведение той же политики, которую мы проводили в городах, привлекая беспартийных рабочих. Да, беспартийный рабочий и беспартийный крестьянин — вещи разные, потому что беспартийный рабочий есть член того же класса, что и мы, беспартийный крестьянин — это другое. Поэтому работа будет более сложна, и методы руководства будут более своеобразны, но это не

означает того, что мы за одни скобки должны взять беспартийную фракцию, крестьянский союз и на этом успокоиться и командовать, как до сих пор.

Это не отвечает действительности по тем причинам, о которых я говорил: крестьянин начал выходить из голодной полосы, мы сами 8 лет тормошили его самосознание, и мы сами растолковали крестьянину хитрую механику политической экономии. Диаграммы о том, сколько крестьянин может получить на один пуд ржи, нельзя же показывать только коммунистам на секретном заседании. Эти же диаграммы и крестьянин будет читать. Так что, пожалуй, и я могу попасть в организаторы крестьянской беспартийной фракции. Вещь эта весьма сложная, и отделаться от нее можно было бы только тем, что мы эти диаграммы показали бы только коммунистам, а стране не показали. Не выйдет так.

Поэтому дело стоит таким образом: мы должны понимать оживление советов на местах так, что это должно быть оживление критики коммунистов в советах со стороны беспартийных. Если говорят, что эта критика не нужна, то или мы, действительно, так слабы, что этой критики должны чураться, или мы должны помнить, что мы имеем дело с другим классом, что тенденции у него могут вылиться в такие формы, которые могут быть направлены к срыву союза рабочих и крестьян.

Мне ряд товарищей подал записки относительно того, что политическая активность на почве материального улучшения крестьянства не приведет ли неизбежно к росту антикоммунистических сил, к подрыву Советской власти и т. д. Это — сомнения не новые.

Эти сомнения были высказаны и формулированы не кем иным, как В. И. в тот час и в тот момент, когда мы провозгласили новую экономическую политику. Я указывал в своем докладе, что, конечно, с того момента, когда мы допустили вольную продажу, когда 22 милл. крестьянских хозяйств хозяйствует по типу товарно-денежного обращения, базис для возникновения и роста буржуазных отношений создается. Вы знаете, что и тогда в среде нашей были отчаявшиеся, которые говорили: «Ну, раз так, то складывай руки, тут не поборешься». А мы говорили: «Нет, это не так, это не по-ленински». Принципиальных разногласий,

которые раз'единяли бы пролетариат и всю толщу трудящегося крестьянства, кроме его верхушки, которая перерастает в буржуазию, — таких принципиальных разногласий нет.

Мы можем доказать крестьянству, что ему выгоднее государственная промышленность, чем собственническая буржуазная, что ему выгоднее государственный банк, руководимый Советской властью, чем банк финансистов. Не говорю уже о внешней политике, о проблемах земельных и т. д. Конечно, задача будет не легкая, придется попотеть и потрудиться, придется сменить голос командования на метод раз'яснений, применяя убеждения и раз'яснения и умея отвести должное место тому методу руководства пролетариатом крестьянства, на который всегда указывал В. И. Он же нам говорил, — я вчера читал вам: потрудитесь демонстрировать на практике преимущества диктатуры пролетариата и управления пролетариата городской промышленностью перед крестьянином. Тот, кто думает, что мы этого демонстрировать не можем, или тот, кто этого демонстрировать не умеет, — тот, конечно, может впасть в отчаяние, но партия в отчаяние не впадет.

Это — новая трудная задача, но она неизбежна, поскольку мы сами создаем материальный базис для улучшения положения крестьянина. Крестьянин, его материальное благосостояние и активность будут расти, и нам нужно, чтобы его материальное благосостояние росло, иначе мы будем сокращать фабрики и заводы, будем сокращать промышленность.

Поэтому нельзя делать таких панических выводов, как Исакин: уж и ГПУ не может коснуться. И ГПУ, и методы принуждения там, где нужно, останутся, но все в большей и большей мере надо дополнять эти методы методами демонстрирования на практике нашего уменья хозяйствовать, методами убеждения, методами оживления советов, методами вовлечения беспартийных крестьян, методами справедливого отношения и делового выслушивания той критики, которая идет из масс трудящегося крестьянства.

Если мы это дополним основными факторами, которые здесь должны иметь место, — развитие промышленности, электрификация, постройка тракторов, оказание кредита крестьянству из тех банков, из тех ресурсов, которые нахо-

дятся под контролем рабочего класса,—когда дополнятся эти политические задачи этими экономическими факторами: электрификацией, крупной промышленностью, снабжением товарами по дешовым ценам, тракторами, кредитом, когда мы оживим советы, тогда основной спор всякой социалистической революции — куда пойдет широкая масса крестьянства: за буржуазным методом хозяйствования или за пролетарским, — и будет разрешен в нашу пользу. Иначе этого вопроса нельзя решить, как только методом повышения промышленности и методом политического воздействия на крестьянство и оживлением советов. Советы есть лучшая форма государственная, это — единственная форма, в которой крестьянские и рабочие интересы могут легко увязаться, иных способов нет. Надо на эти способы итти, их принять, их по-большевистски, по-ленински проводить.

Из остальных записок, которые мне поданы, я выбираю следующие вопросы. Первое: «Чем об'яснить массовое предполагаемое сокращение рабочих на Донбассе. Это, ведь, нельзя считать за успех?». Я хотел бы здесь сказать, что при общем под'еме промышленности необязательно, чтобы во всех отраслях этот под'ем шел равномерно.

Общее количество рабочих у нас увеличивается, но в тех или других отраслях может одновременно с общим увеличением происходить сравнительное сокращение. Это имело место и в Донбассе. Я имел уже возможность докладывать на одном собрании московской организации, что Донбасс в закончившемся 23—24 году выскочил за положенные ему пределы. Там сверх производственной программы набрали 26 тысяч рабочих, — сверх тех 10 т., которые были предусмотрены программой, — и произвели соответственно этому около 50 милл. пуд. излишнего для нашего народного хозяйства угля. Так как при этом обстоятельстве естественно увеличилась общая сумма зарплаты, а 50 милл. пуд. произведенного сверх программы угля девать нам было некуда, то это расстроило весь план Донбасса и Донугля, и нам пришлось принять крутые меры для того, чтобы ввести вырвавшихся из рамок товарищей в соответствующие рамки.

Я вам показывал уже на диаграмме, что благодаря узости потребления внутреннего рынка и того, что мы с вами

еще не завоевали внешний рынок для нашего угля, нам приходится сокращать темп развития добычи угля, и хотя мы даем в этом году прибавку миллионов, кажется, на 30 или на 40 против прошлого года, но для того, чтобы не выскочить за эту прибавку, для этого пришлось прибегнуть к сокращению того излишнего количества рабочих, которые в прошлом году были наняты. Операция, конечно, болезненная и трудная, но иного выхода у нас не было, если мы не хотели набрать столько угля, сколько мы не можем переварить. Иначе у нас зарплата повысилась бы без соответствующей продажи, и это означало бы нагрузку наших кредитных учреждений и нашего бюджета и сокращение кредита другим областям. Правда, за последние недели мы имели более благоприятные показатели: благодаря развитию общего темпа народного хозяйства, увеличению нагрузки транспорта, потребление угля явно увеличивается в стране, и поэтому весьма возможно, что нам придется увеличить добычу угля против первоначально намеченного плана и, как это дергание действительно ни печально, придется только-что рассчитанных рабочих опять нанимать. Это и есть отрицательная сторона нашего хозяйничания.

Одна записка говорит, что я не указывал на недостатки в работе ЦК. Я в конце укажу эти недостатки. Но вот один недостаток — невозможность при том темпе хозяйства и при том моменте, который мы сейчас переживаем, все подсчитать с той желательной точностью, которая для нас еще недостижима. Вот вам процесс рассуждения ЦК: люди произвели на 50 милл. больше, расстроили свой финансовый план, задержали выдачу зарплаты, нарушили, значит, обязательства перед рабочими, создали недовольство, и мы приходим к убеждению, что надо сжать, ввести в железные рамки плана, обеспечить затем своевременную выплату зарплаты. Но в то же время со стороны, из области транспорта и металлургии, оказывается новая потребность в угле, и только-что проведенное сокращение приходится менять на расширение. Здесь улучшения возможны, но, конечно, это будет результат довольно длительной притирки одних отраслей хозяйства к другим. Сразу это недостижимо.

Следующий вопрос: «Почему у текстильной промышленности такие большие скачки, в ваших диаграммах нет

ни одной ровной линии?». Все те диаграммы, которые я показывал, дают не только годовые итоги, а и месячные итоги, а вы прекрасно знаете, что у нас действуют не только общие экономические факторы в развитии нашей промышленности, но и факторы сезонные, бытовые и всякого рода другие.

Нельзя сравнивать один месяц с другим в том же самом году, а можно сравнивать только годовые итоги с годовыми итогами другого года, или месяца с соответствующим месяцем в другом году, ибо в той же самой текстильной промышленности, как вы знаете, происходят сезонные сокращения работы, когда рабочих текстильной промышленности, в громадной степени связанных еще с деревней, приходится распускать, как говорят текстильщики, в конце июня — июля на сенокос. Сезонная задержка работы бывает в связи с пасхальными праздниками, которые в текстильной промышленности часто растягиваются. Поэтому было бы ошибкой сравнивать, скажем, июнь—июль текстильной промышленности с октябрем. В таком случае мы получили бы большие скачки, но эти скачки об'ясняются сезоном. Но можно сравнивать июнь—июль 1923 года с июнем—июлем 1924 года и октябрь 1923 г. с октябрем 1924 года, тогда вы получите картину действительного роста промышленности.

Поэтому на всех диаграммах мы имеем кривые по месяцам, которые показывают не какие-нибудь пертурбации, не какую-нибудь лихорадку в производстве, а которые учитывают естественные, сезонные, бытовые и всякие проч. колебания, с которыми приходится считаться из года в год. Для того, чтобы иметь общую картину, надо сравнивать годовые итоги. Тут важно только то, что ломаность месячных линий не дает оснований думать, что развитие идет у нас толчками, что тут лихорадочное развитие. Нет, это развитие совершенно планомерное, но только удовлетворяющее сезонным, бытовым условиям.

Следующий вопрос: «Что предпринимает ЦК нашей партии по сжатию «ножниц» между оптовыми и розничными ценами?». Действительно, я в своем отчете не успел указать на то, что одной из основных экономических проблем является именно этот очень сильный раствор между оптовыми и розничными ценами, который доходит на некоторые товары

до 30 проц., иногда даже до 40 проц. накидок на оптовые цены. В чем тут дело? Дело в том товарном голоде, на который я вам указывал. Мы, владеющие фабриками и заводами, можем регулировать свои отпускные цены, т.-е. цены оптовые, но, поскольку у нас товаров для заполнения рынков мало, и поскольку не весь еще торговый аппарат находится в государственных или в кооперативных руках, то малое количество наших государственных товаров, попадая на широкий рынок и не отвечая широкому спросу, позволяет посреднику делать чрезвычайно большие накидки, иногда такие, которые не позволяют крестьянству и широкому потребителю даже оценить всю нашу политику снижения цен, ибо мы-то снижаем на отпускных оптовых ценах, а покуда это дойдет до крестьянина, все эти накидки на розницу срезывают эту нашу скидку на опте.

Это — основная проблема; основное ее решение заключается в прекращении товарного голода, в нагрузке рынка по его потребностям и в том, чтобы овладеть торговым аппаратом. Мы в этом отношении и принимаем меры. С одной стороны, в смысле расширения промышленности. Как только появится достаточное количество ситца или гвоздей, настолько достаточное, чтобы удовлетворить спрос, площадь для накидок посредника будет сокращаться. С другой стороны, мы принимаем меры к тому, чтобы улучшить наш торговый аппарат, чтобы укрепить сеть кооперации и чтобы заставить кооперацию торговать по ценам ниже тех розничных цен, которые существуют на вольном рынке. Вот две области мероприятий, которые мы сейчас проводим.

Надо сказать, что последние обзоры нашего хозяйства показывают за ноябрь и декабрь стабилизацию розничных цен, т.-е. мы уже присутствуем при том, что расширение промышленности и увеличение продукции нашей государственной промышленности на рынке приводят уже к тому, что процесс роста этих накидок на розницу начинает сокращаться. Он остановился на одном уровне за ноябрь и декабрь. Мы хотим схватиться за этот факт, приостановить рост розничных цен, рост накидок и продолжать дальнейшее снижение оптовых цен. Таким образом, это поможет чрезвычайно болезненно сказывающиеся на отношениях города и деревни цены сжимать, надеясь, что в этот настоящий

сезон, поскольку мы будем развертывать промышленность и овладевать розничным торговым аппаратом, это нам удастся; некоторые достижения в виде стабилизации розничных цен, сокращения роста этих накидок уже у нас имеются.

Следующий вопрос: «Прошу ответить кратко, какова политика ЦК в области торговли спиртными напитками, сколько прибыли дает государству продажа спиртных напитков, что в отношении увеличения прибыли дало введение 30°, и понизилась ли перегонка самогона в связи с этим?».

Так как тов. просит ответить кратко, я и отвечу кратко. В госбюджет мы могли внести благодаря получению акциза до 20 милл. В следующем году, не повышая градуса, оставаясь при 30°, мы сможем вписать в свой доход лишних 150 милл. руб. Сокращение самогона, несомненно, должно явиться результатом этой политики. Сейчас мы выпускаем 5 проц. ($^1/_{20}$) того колич. спирта, которое выкуривалось до войны. Только 5 проц. ($^1/_{20}$ часть), не больше. Это сказаться более или менее сильно не могло еще. Если мы действительно перейдем от 30 град. к 40 град., то сокращение самогона, несомненно, последует. (Смех).

Следующий вопрос: «Почему подписан такой невыгодный договор с Японией, и к чему было выражение сожаления и извинения за николаевские события? Теперь всякий чорт будет требовать от нас извинений и сожалений». (Оглашает записку).

Конечно, соглашение будет опубликовано. Во-вторых, ничего невыгодного в этом договоре нет. Вы знаете, что переговоры тянулись 6 или более месяцев. У товарища, подавшего записку, очевидно, неправильное понимание.

Никаких уступок по Сахалину, Николаевску и Амуру мы не сделали. Об Амуре и Николаевске я не знаю, откуда взял товарищ, но что касается Сахалина, то наша уступка только в том, что по договору сев. часть Сахалина, до сих пор занятая японскими войсками, где еще не существует Советской власти, и развевается не красный флаг, а японский, не знаю, какого цвета (голоса: «желтый»). Вот именно, желтый. Эта оккупация Сахалина прекращается, и наша уступка заключается только в том, что, так как сейчас эвакуировать нельзя по климатическим условиям, — замерзли берега и

нельзя господам японцам увести свои войска, — мы дали им срок эвакуации до 1-го мая. Это — уступка, на которую необходимо было пойти.

Что касается концессии, то мы не видим тут уступки по той простой причине, что мы с вами разрабатывать нефть на Сахалине не собираемся, у нас нет для этого капиталов.

Общая же концессионная политика установлена ранее, никто не собирается ее отменять, и мы пошли на договор, который предусмотрел заключение концессионных договоров с Японией насчет сахалинской нефти на общих основаниях. В договоре только говорится, что мы должны вступить в переговоры с Японией на общих основаниях, на которых мы сдаем концессии, и предусмотрено, что концессия эта будет сдана квадратами, при чем на каждый квадрат, который мы отдаем японцам, будет квадрат, который мы оставляем за собой, т.-е. *мы не хотим отдавать сахалинскую нефть в монополию Японии, сплошь всю территорию, а на каждый квадрат, а в общем от 20—40 дес., мы такой же рядом лежащий квадрат оставляем себе.*

Эти наши квадраты мы можем разрабатывать или сами, или отдавать другим концессионерам — англичанам или американцам, — как найдем нужным. Тут опять нельзя усмотреть никакой уступки.

Остается одно, что Карахан извинился или выразил сожаление за николаевские события.

Это есть, признаемся. Но я не вижу, чтобы Советский Союз потерпел ущерб от того, что Карахан выразил сожаление за николаевские события. Но чтобы всякий чорт, — как выражается автор запроса, — после этого полез к нам за сожалением или извинением, — в этом я сомневаюсь. Никто не полезет.

Еще вопрос о мероприятиях ЦК по упорядочению загрузки актива КСМ, и затем ставится вопрос о неравномерной нагрузке низового партийного аппарата.

Вероятно, товарищ исходил из того, что на последнем пленуме ЦК, по предложению ряда товарищей, было принято действительно поручение политбюро и оргбюро и ЦК РЛКСМ заняться расследованием вопросов о партийной нагрузке КСМ и пионерского состава, ибо на ЦК было выяснено, и при-

ведены были факты, что в некоторых случаях партийная и всякая общественная нагрузка КСМ и в частности пионерства дает очень нехорошие результаты в смысле физического состояния этих молодых товарищей. Ясно, что если мы здесь будем итти стихийным путем, нагружать их и подрывать их силы, мы получим смену очень слабую, с подорванной нервной системой и т. д., а на заседании пленума ЦК были приведены случаи психических заболеваний среди этого молодняка.

Здесь мы пошли по стихийному пути, надо расследовать этот вопрос.

Следующий вопрос отчасти выяснен тов. Марковым и другими товарищами, — это вопрос о средствах производства. Меня спрашивают, как идет это дело, и тов. Марков об'яснил, как наша промышленность подходит к такому моменту, когда необходимо уже восстановление основного оборудования, восстановление станков и т. д. Я сейчас, к сожалению, не захватил цифры, но могу вам сказать, что развитие металлургии, которое собственно является самой характерной чертой в нашей экономике, в ближайшие месяцы представит нам еще большее повышение кривой: это развитие металлургии идет отчасти за счет расширения деревенского спроса на железо, отчасти за счет расширения строительства в городе и в деревне и, в-третьих, в немаловажной части за счет этого самого производства средств производства, т.-е. за счет строительства машинного оборудования других отраслей промышленности.

Мы отдаем себе отчет в том, что мы подошли к такому моменту, когда восстановление основного оборудования становится для нас основной задачей. Сможем ли мы здесь поспеть? Это трудная задача — восстановить основной капитал промышленности, восстановить фабрично-заводское машинное оборудование. Задача эта чрезвычайно трудная, поскольку мы должны оперировать собственными капиталами, не имея никаких кредитов из-за границы. Но это дело сейчас может быть поставлено, оно будет итти медленнее, чем нам этого хотелось бы, но во всяком случае мы к этому приступили, и из года в год производство средств производства, машин и проч. будет несомненно расти.

Вот еще один вопрос: «Если возможно, то скажите: кто из членов ЦК голосовал против принятой пленумом резолюции о тов. Троцком?». Я считаю, что вполне возможно на это ответить, потому что Московская организация имеет право и должна знать деятельность любого члена ЦК. Здесь никаких тайн нет. Вы должны оценивать не только ЦК в целом, а и каждого его члена. Вы имеете право знать, кто голосовал против резолюции. Против этой резолюции голосовали два товарища — Пятаков и Раковский, а член ЦКК тов. Правдин воздержался при голосовании.

Теперь, товарищи, последний вопрос, связанный с вопросом о тов. Троцком. Тов. Мирошниченко, мне кажется, сказал здесь живое слово, правдивое слово, которое надо принять во внимание. Он сказал, что вся эта дискуссия показала, что в нашей среде имеются товарищи, которые по поводу дискуссии молчат, усмехаются. Ну, если брать это политически, а не только как личную характеристику, что тот не хочет беспокоиться, этот думает: да пройдет мимо меня эта гроза, чего я полезу, — это все индивидуальные личные качества, но если взять это политически, то это значит, что есть группа в нашей партии, группа товарищей, которые выжидают.

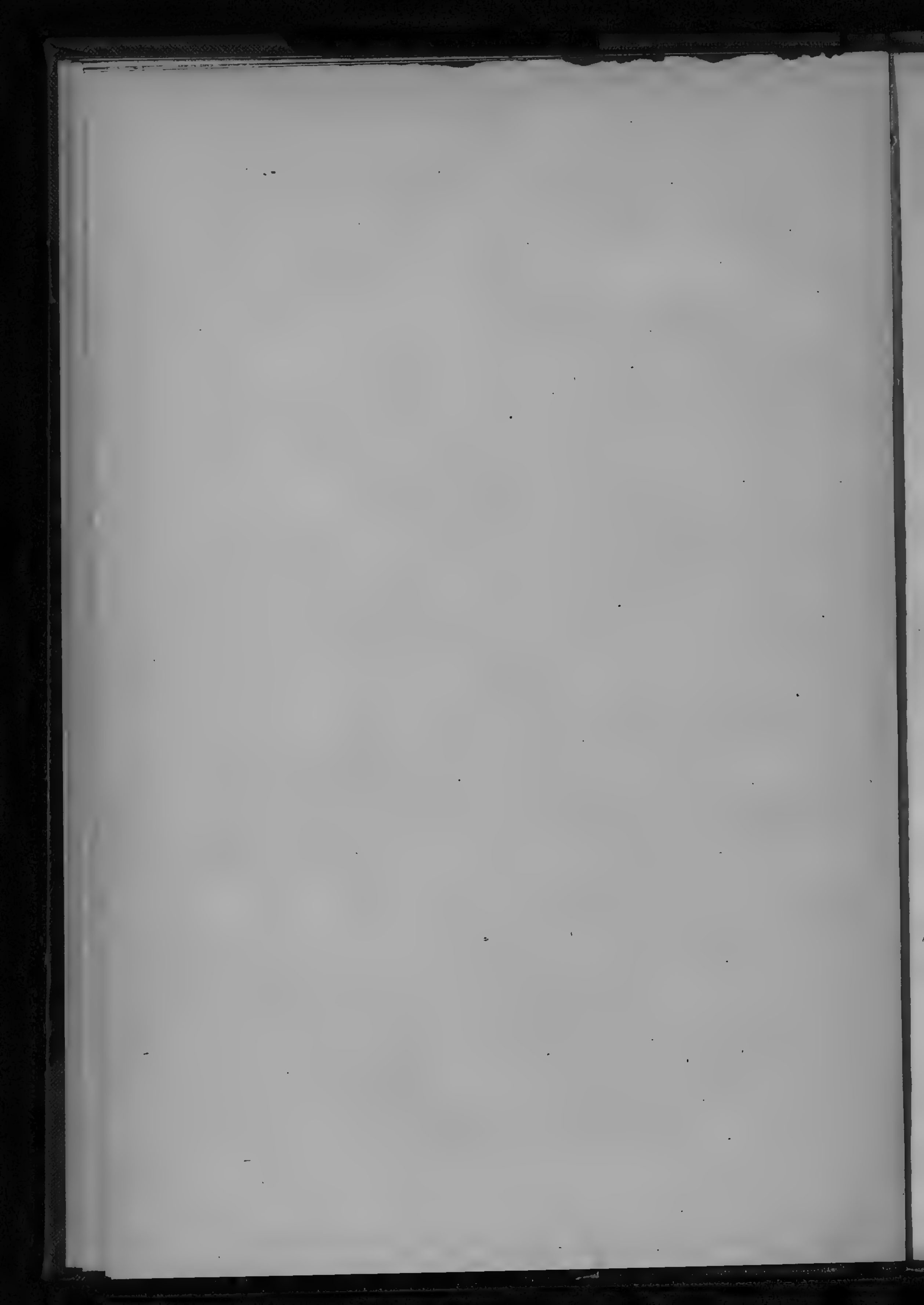
Я уже, анализируя вчера письмо тов. Троцкого, почти теми же самыми словами охарактеризовал его позиции. Я сказал: его письмо отнюдь не обозначает в какой бы то ни было мере идейного разоружения.

Тов. Троцкий никаким намеком не признал своих ошибок, не отказался от своей позиции, а вместо этого ограничился заявлением о подчинении партии. Это есть тоже позиция выжидания, это есть признание, что покуда мы слабы, т.-е. тов. Троцкий и те, которые тоже молчат, усмехаются и выжидают, а там дальше посмотрим: наши идейные орудия мы оставили в чистоте и боевой готовности. Это правильно подметил и сказал тов. Мирошниченко.

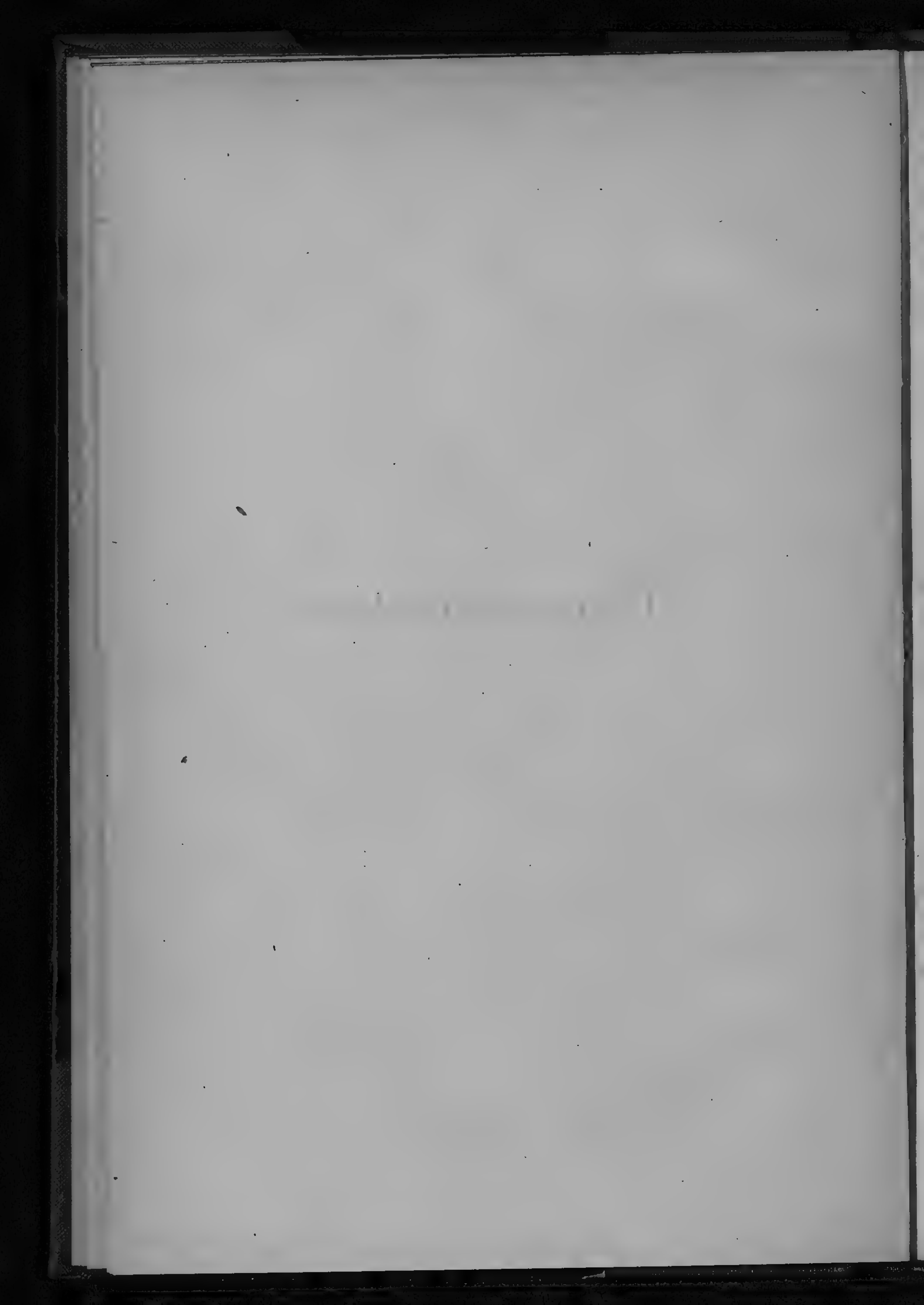
Он правильно, мне кажется, указал и выход, — тот выход, который предусматривает ЦК в своей резолюции, ибо резолюция эта своим последним пунктом обязывает все организации и всех членов партии продолжать раз'яснение не в порядке дискуссии, — дискуссия кончена, — а в порядке раз'яснения и политпросвещения раз'яснять различия между

ленинизмом и троцкизмом, и почему мы не можем допустить ревизию ленинизма троцкизмом. Тогда мы будем готовы на всякий случай, и если те товарищи, которые сейчас молчат, усмехаются и выжидают, попробуют выйти из этого своего положения и попробуют перейти из положения выжидающих опять, вновь в положение наступающих, тогда мы будем подготовлены к тому, чтобы еще резче и, надеюсь, навсегда положить конец этой политике внутри партии.

Я думаю, что прав был тов. Захаров в своих словах, в которых он представлял будущее положение. Думаю, что правы те товарищи, которые полагают, что с'езд партии найдет в себе, конечно, достаточно силы, политического разума и истинного понимания положения дел в партии и в стране, чтобы сделать политические и организационные выводы из закончившейся дискуссии. (Аплодисменты.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1.

денежное обращение

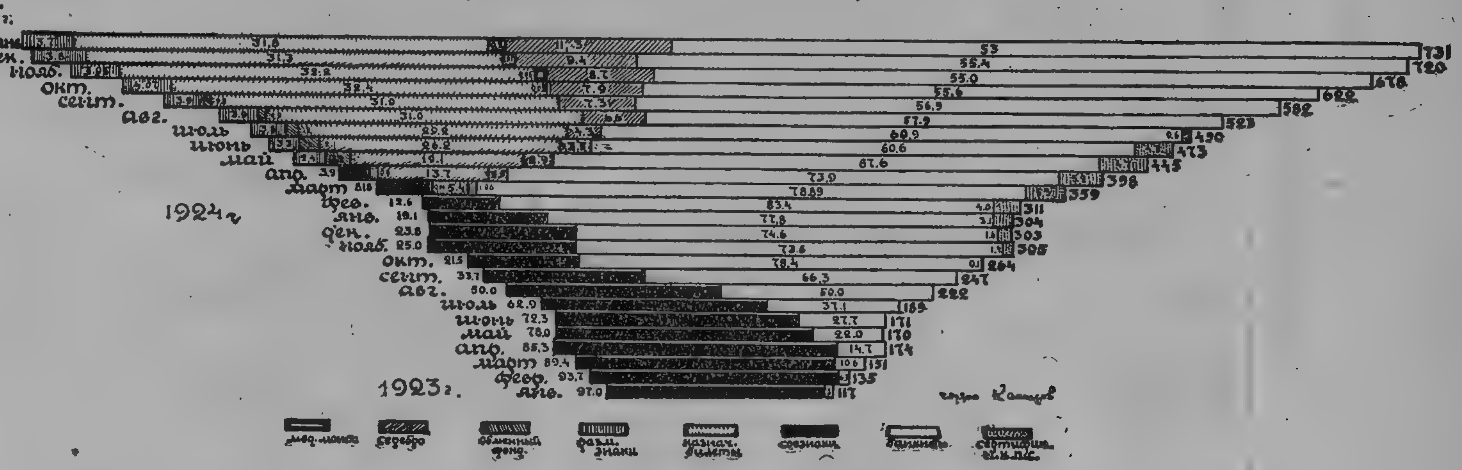

Диаграмма показывает: во-1-х, рост денег, выпущенных в обращение, из месяца в месяц, начиная с января 1923 г. (смотрите нижний столбик), когда денежное обращение составляло 117 милл. червонных рублей, и кончая 21-м января 1925 года, когда сумма денежного обращения достигла 731 милл. рублей (цифры, расположенные с правой стороны диаграммы, показывают суммы денег в обращении; с левой—наименование месяца); во-2-х, каждый столбик в отдельности показывает проценты каждого вида денег в общей месячной сумме обращения. Объяснения, какой знак соответствует отдельному виду денег, например, совзнак—сплошной черный цвет, смотрите внизу диаграммы.

Таблица к диаграмме № 1.

Денежное обращение.

	Сумма ден. обращения (с округл. до милл.)	Банкноты.	Совзнаки.	Казн. валюта.	Казн. вал. обмен. фонд.	Серебро.	Разменные знаки.	Медь.	Сертифик. НКПС.
	В милл. руб. черв.					% участия в обращении.			
1923 г. Январь	117	3	97	—	—	—	—	—	—
Февраль	135	6,3	93,7	—	—	—	—	—	—
Март	151	10,6	89,4	—	—	—	—	—	—
Апрель	174	14,7	85,3	—	—	—	—	—	—
Май	170	22	78,0	—	—	—	—	—	—
Июнь	171	27,7	72,3	—	—	—	—	—	—
Июль	189	37,1	62,9	—	—	—	—	—	—
Август	222	50,0	50	—	—	—	—	—	—
Сентябрь	247	66,3	33,7	—	—	—	—	—	—
Октябрь	264	78,4	21,5	—	—	—	—	—	0,1
Ноябрь	305	73,6	25	—	—	—	—	—	1,4
Декабрь	303	74,6	23,8	—	—	—	—	—	1,6
1924 г. Январь	304	77,8	19,1	—	—	—	—	—	3,1
Февраль	311	83,4	12,6	—	—	—	—	—	4,0
Март	359	80	8,12	5,46	—	1,06	0,01	—	5,35
Апрель	398	73,9	3,9	13,7	—	2,5	0,8	—	5,2
Май	446	67,6	—	19,1	3,3	2,9	2,4	—	4,7
Июнь	473	60,6	—	26,2	2,1	3,5	3,3	—	4,3
Июль	490	60,9	—	29,2	1,2	4,3	3,8	—	0,6
Август	523	57,6	—	31,0	0,9	6,6	3,9	—	—
Сентябрь	582	56,9	—	31,0	0,8	7,3	3,9	—	—
Октябрь	622	55,6	—	32,4		7,9	4,08	0,02	—
Ноябрь	678	55,01	—	32,2		8,73	4	0,06	—
Декабрь	721	55,4	—	31,3		9,4	3,8	0,1	—
1925 г. Январь	731	53	—	31,8		11,3	3,7	0,2	—

№ 2.

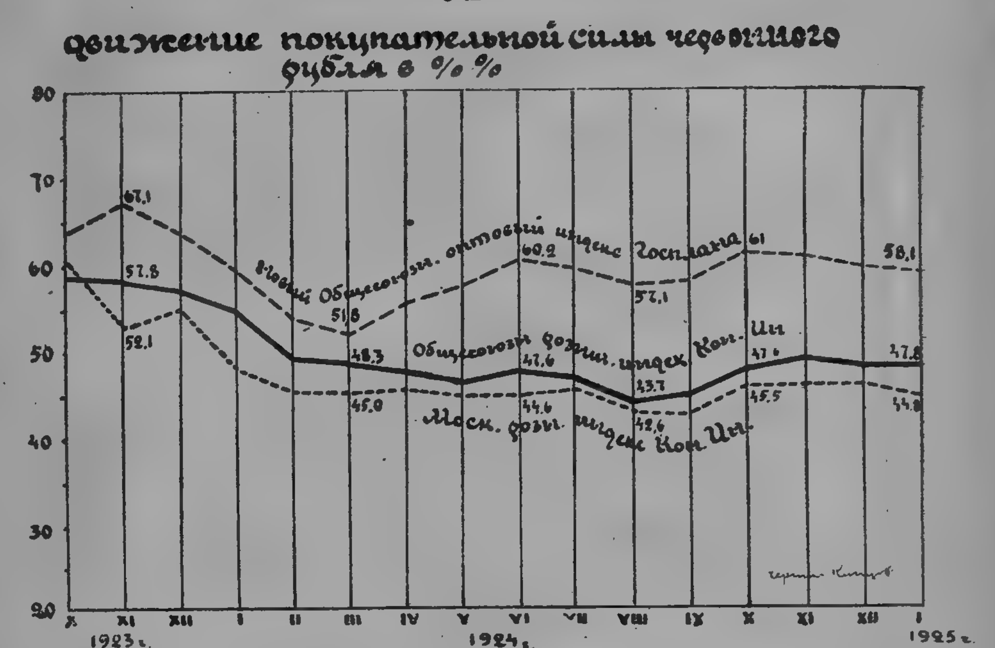

Диаграмма показывает движение из месяца в месяц реальной стоимости червонного рубля (месяцы обозначены внизу диаграммы римскими цифрами) в процентах по отношению к стоимости рубля довоенного времени, т.-е. сколько стоит червонный рубль в данное время, или, вернее, сколько дают на червонный рубль товаров, если перевести цены товаров, купленных на один червонный рубль, к их довоенной стоимости; скажем к примеру: пуд ржи по оптовому индексу Госплана на 1-е января 1925 г. стоит один червонный рубль в определенном месте, а нам известно, что в 1913 г. в том же месте платили по 58,1 коп. за пуд ржи, следовательно, покупательная сила червонного рубля достигла таким образом 58,1% покупательной силы довоенного рубля. Следовательно, кривые показывают движение покупательной силы червонного рубля по отношению к оптовым или розничным ценам на товары.

Таблица к диаграмме № 2.

Движение покупательной силы червонного рубля за 1923/24 хоз. года в $^0/_0{}^0/_0$.

(Довоенная покупательная способность рубля принята за 100%.)

СРОКИ.	По новому общесоюзному индексу Госплана.	По общесоюзн. рознич. индексу Конъюнктурного Института.	По московскому розничному индексу Конъюнктурного Института.
1923 год.			
1-е октября	63,7	58,5	60,6
1-е ноября	67,1	57,8	52,1
1-е декабря	63,7	56,8	54,6
1924 год.			
1-е января	59,2	54,3	47,8
1-е февраля	53,5	48,8	45,0
1-е марта	51,8	48,3	45,0
1-е апреля	55,2	47,4	45,2
1-е мая	57,1	46,1	44,6
1-е июня	60,2	47,6	44,6
1-е июля	59,2	46,5	45,2
1-е августа	57,1	43,7	42,6
1-е сентября	57,8	44,8	42,4
1-е октября	61,0	47,6	45,5
1-е ноября	61,0	48,3	45,7
1-е декабря	59,5	47,8	45,5
1-е января 1925 г.	58,1	47,8	44,8

№ 3. Годовые бюджеты 1913 г., 1922-23, 1923-24, 1924-25

современ. бюджеты в миллион. черв. рублей

доходы — **расходы**

1913

Доходы: 3,152
- чрез. рессур. 11
- пошлин. 189
- Прям. налог 221
- Гос. имущ. 317
- 1034 трансп. и связь
- 1380 косв. налоги

Расходы: 2.793
- 14 сельско-хоз.
- 23 промыш.
- 234 Синод, импер. двор и каз. вин. моноп.
- 361 фонды и займы
- 459 адм. хоз.
- 782 оборона
- транспорт и связь 920

1922-23

Доходы: 1,322.8
- пр. чрез. ресурсы 8
- пошлины 22
- госимущест. 49
- кредит. операц. 82
- косв. налоги 165
- прям. налоги 220
- трансп. связь 392
- эмиссия 394

Расходы: 1336
- 24 стр. и электроф.
- 50 сельское хоз.
- 117 фонды и займы
- 120 промышлен.
- 205 оборона
- 284 адм. хоз. культур.
- 535 трансп. связь

1923-24

Доходы: 1.917
- пр. чрез. рес. 57
- пошлины 66
- госимущ. 131
- кредит. опер. 191
- эмиссия 196
- прям. налог 292
- косв. налоги 308
- транспорт связь 676

Расходы: 1.921
- 47 строит. элект.
- 60 сельское хоз.
- 94 промыш.
- 211 фонды и займы
- 390 адм. хоз. культу
- 394 оборона
- 725 тран. связь

1924-25

Доходы: 2279
- пр. чрез. ресур. 17
- эмиссия 80
- пошлины 88
- кредитн. опер. 110
- госимущест. 213
- прям. налог. 431
- косв. налоги 458
- трансп. связь 882

Всего

Расходы: 2279
- 39 строит и элект.
- 91 промышл.
- 109 сельское хоз.
- 334 фонды и займы
- 407 оборона
- 417 адм. хоз. соц.
- 882 трансп. связь

Всего

Диаграмма № 3 позволяет сравнивать наши бюджеты с бюджетом довоенного времени и каждый между собой. Общие суммы доходов и расходов (Далее см. стр. 78).

Таблица к диаграмме № 3.

Годовые бюджеты.

1913 г. (данные предварительные) по территории ныне занимаемой СССР и без расходов, переданных на местные средства. 1922—23 г., 1923—24 г. и 1924—25 г. (современные бюджеты в миллионах червонных рублей).

ДОХОДЫ.	1913 г.	%% к итогу.	1922—23 г.	%% к итогу.	1923—24 г.	%% к итогу.	1924—25 г.	%% к итогу.
ВСЕГО	3.152	100	1.333	100	1.917	100	2.279	100
А. Обыкновен. доходы:								
1. Прямые налоги	221	7	220	16,5	292	15,3	431	18,9
2. Косвенные налоги . . .	1.380	43,8	165	12,4	308	16	458	20,1
3. Пошлины	189	6	22	1,7	66	3,4	88,5	3,9
4. Транспорт и связь . . .	1.034	32,8	392	29,4	676	35,3	882,5	38,7
5. Госуд. имущества	317	10,0	50	3,7	131	6,8	212	9,3
Итого обыкн. доходов . .	3.141	99,6	849	63,7	1 473	76,8	2.072	90,9
Б. Чрезвычайные доходы:								
1. Кредитн. операции (займы).	—	—	82	6,1	191	10	110	4,8
2. Эмиссия (за 1924/25—монетн. доход).	—	—	394	29,6	196	10,2	80	3,6
3. Прочие	—	—	8	0,6	57	3	17	0,7
Итого чрезвычайных доходов	11	0,4	484	36,3	444	23,2	207	9,1
От платежных обязательств.	—	—	51	—	187	—	—	—

РАСХОДЫ.	1913 г.	% к общ. итогу.	1922—23 г.	% к общ. итогу.	1923—24 г.	% к общ. итогу.	1924—25 г.	% к общ. итогу.
ВСЕГО	2.793	100	1.336	100	1.921	100	2.278	100
1. Сельское хозяйство . . .	14	0,5	50,5	3,8	60	3,1	108	4,8
2. Фонды и займы	361	12,9	117	8,7	211	11,0	334	14,6
3. Промышленность, строительство и электрификация, восстановительные работы в Ленинграде . .	23	0,8	144	10,8	141	7,3	130	5,7
4. Оборона	782	28	205	15,3	394	20,6	407	17,9
5. Транспорт и связь . . .	920	32,9	535,5	40,1	725	37,7	882	38,7
6. Административно-хозяйственные, культурные и социальные нужды. (В 1913 г. сюда же входят расходы на содержание синода, императорского двора и вин. монополии.)	693	24,9	284	21,3	390	20,3	417	18,3
Оплата платежных обязательств Центрокассы . .	—	—	16	—	187	—	—	—

показаны столбиками, помещенными с правой и левой стороны диаграммы, при чем над этими столбиками проставлены цифры в миллионах червонных рублей, а высота столбика соответствует росту цифры. Средние, расположенные одни над другими, столбики показывают, как распределялись доходы и расходы в каждом году, о чем сделаны соответствующие надписи. Сравнивать нужно так: возьмем расход 1913 г. на сельское хозяйство, он выражался в 14 милл. рублей того времени, а расход на сельское хозяйство (см. столбики 1924—25 г., третий сверху) в 1924—25 г. составит 109 милл. рублей.

№ 4.

Кредит.

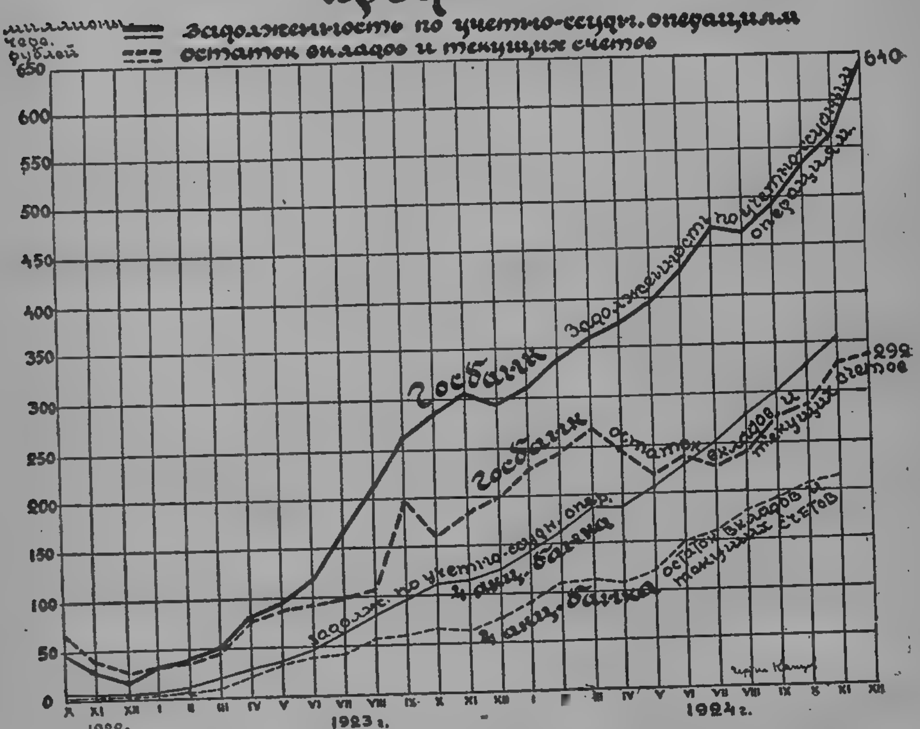

Диаграмма № 4 показывает, как растет из месяца в месяц (месяцы обозначены снизу) кредит, как в части задолженности отраслей народного хозяйства Госбанку и 4-м акционерным банкам (Промышленный банк, Российский Коммерческий банк, Всероссийский Кооперативный и Центральный Сельскохозяйственный), так и в части вкладов, поступивших в эти банки. Цифры левой стороны диаграммы обозначают в миллионах черв. рублей уровень, на котором находится задолженность или вклады, а кривая линия, поднимаясь или опускаясь, показывает этот уровень; например: задолженность Госбанку в октябре 1922 г. составляла сумму в 50 милл. рублей, а в декабре 1924 г. задолженность достигла 640 милл. черв. рублей.

Таблица к диаграмме № 4.

Задолженность отраслей народного хозяйства банкам: Государственному, Торгово-Промышленному, Российскому Коммерческому и Всероссийскому Кооперативному, в общей сумме, по данным банков, в абсолютных (в миллионах руб.) и относительных числах.

	1 января 1923 г.		1 апр. 1923 г.		1 июля 1923 г.		1 октября 1923 г.		1 января 1924 г.		1 апреля 1924 г.		1 июля 1924 г.		1 октября 1924 г.		1 января 1925 г.	
	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.	Абсолютно.	Отн. в %.
1. Гос. промышленн.	12,3	55,9	33,5	49,5	65,6	52,6	147,4	40,2	195,0	45,9	241,2	46,6	335,1	50,0	394,9	50,0	459,8	45,1
2. Гос. торговля	1,0	4,6	6,0	8,9	8,5	6,8	26,6	7,3	36,4	8,6	43,0	8,3	74,7	11,2	73,1	9,3	137,3	13,4
3. Транспорт	0,1	0,4	0,7	1,0	0,6	0,5	8,7	2,4	9,4	2,2	15,3	3,0	17,9	2,7	25,1	3,2	24,6	2,4
4. Сельск. хоз-во	—	—	—	—	—	—	1,1	0,3	0,7	0,2	1,3	0,2	1,1	0,2	1,4	0,2	66,9	6,5
5. Кооперация	7,8	35,5	18,4	27,2	28,1	22,5	85,2	23,3	76,4	18,0	116,9	22,6	133,3	19,9	153,9	19,5	161,1	15,7
6. Кредитн. учр.	0,5	2,3	3,6	5,3	9,6	6,9	21,8	6,0	23,1	5,4	39,6	7,7	45,8	6,8	67,6	8,6	81,4	8,0
7. Частн. лица и фирмы	—	—	1,1	1,6	0,8	0,6	28,3	7,7	18,3	4,3	19,6	3,8	12,9	1,9	12,9	1,6	13,4	1,3
8. Прочие	0,3	1,3	4,4	6,5	12,5	10,1	47,3	12,8	65,4	15,4	40,4	7,8	49,2	7,3	60,1	7,6	77,7	7,6
ИТОГО	22,0	100	67,7	100	124,7	100	366,4	100	424,7	100	517,3	100	670,0	100	789	100	1022,2	100

Примечание. В ведомость включены сведения: **На 1 января 1923 г.** — по правл. Госбанка и Промбанка и сводн. по Всекобанку. **На 1 апреля 1923 г.** — по правл. Промбанка и сводн. по Госбанку и Всекобанку. **На 1 июля 1923 г.**—по правл. Госбанка и Промбанка и сводн. по Всекобанку. **На 1 октября 1923 г.**—сводные по 4 банкам (входит и Роскомбанк). **На 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября 1924 г.** — сводные по 4-м банкам. **На 1 января 1925 г.** — сводные по 5-ти банкам (включен Центр. С.-Х. банк СССР).

№ 5.

Диаграмма № 5 позволяет видеть как добычу угля в миллионах пудов по годам, изображенную в столбиках, помещенных с левой стороны диаграммы, так и добычу по месяцам (месяцы обозначены снизу, а кривые линии—ход добычи по месяцам) в каждом году в отдельности, и можно по высоте столбика и по цифре, надписываемой над ним, сравнить добычу 1913 г. с добычей за годы с 1920 по 1924, причем эти цифры дают добычу за календарный год, т.-е. с января по декабрь включительно (так раньше считали), а последние два столбика за 1923—24 и 1924—25 взяты за хозяйственные годы с октября по сентябрь включительно, чтобы можно было сравнить 1923—24 г. и плановое предположение на 1924—25 год.

Таблица к диаграмме № 5.

УГОЛЬ.

Добыча государственной и арендованной промышленности.

Высота столбика—добыча календарного года.

1913 год . . . . 1711 милл. пуд.
1920 „ . . . . 466 „ „ 27,2% от дов.
1921 „ . . . . 487 „ „ 28,5% „ „
1922 „ . . . . 523 „ „ 30,5% „ „
1923 „ . . . . 741 „ „ 43,3% „ „
1924 „ . . . . 893 „ „ 52,2% „ „

За хозяйственный:

1923/24 год . . . . 902,7 милл. пуд. 52,7% от дов.
1924/25 „ . . . . 921,5 „ „ 53,4% „ „
(по плану)

Помесячная добыча угля государств. промышленности (в тысячах пудов).

(Без арендованной у государства, добыча которой равняется в среднем 5—6 милл. в месяц) [1].

	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Октябрь	39.150	72.469	91.000
Ноябрь	49.336	75.482	72.400
Декабрь	61.883	72.572	77.470
Январь	51.871	75.028	
Февраль	60.241	76.702	
Март	69.782	74.014	
Апрель	46.359	61.975	
Май	57.618	65.393	
Июнь	59.714	67.231	
Июль	51.179	74.440	
Август	53.396	69.056	
Сентябрь	58.962	78.416	
ИТОГО	659.491	862.778	

[1]) Для сравнения в помесячной кривой добычи промышленности вместе с арендой нужно к месячной цифре данной таблицы прибавлять 5—6 милл.

№ 6.

добыча нефти (в миллион. пуд.)

Диаграмма № 6 показывает добычу нефти, и правило пользования этой диаграммой такое же, как и в № 5.

Таблица к диаграмме № 6.

НЕФТЬ.

Добыча всей государственной и кустарной промышленности.

Высота столбика — добыча календарного года.

1913 г. . . . . 548 милл. пуд.
1920 г. . . . . 233 „ „ 42,3% дов.
1921 г. . . . . 239 „ „ 43,6% „
1922 г. . . . . 293 „ „ 53,4% „
1923 г. . . . . 327 „ „ 59,6% „
1924 г. . . . . 380 „ „ 69,3% „

За хозяйственный:

1923/24 г. . . . 369 милл. пуд. 66% дов.
1924/25 г. . . . 417 „ „ 74% „
(по плану)

} Добыча государственной нефтяной промышленн.

Помесячные данные добычи государственной нефтяной промышленности [1]).

(В тысячах пудов).

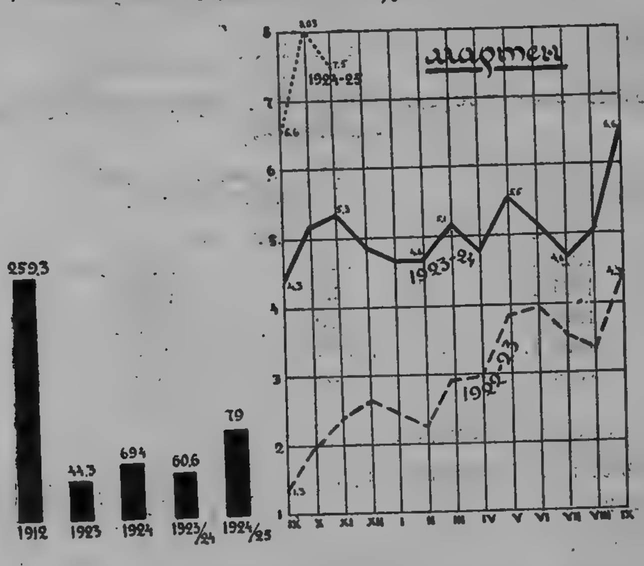
	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Октябрь	25.195	28.131	35.400
Ноябрь	25.407	27.960	33.900
Декабрь	26.158	29.758	
Январь	25.371	30.138	
Февраль	23.149	27.748	
Март	26.234	29.410	
Апрель	25.770	27.753	
Май	27.573	28.679	
Июнь	26.960	29.901	
Июль	27.264	35.387	
Август	28.278	34.539	
Сентябрь	28.038	33 210	
ИТОГО	315.398	362.614	

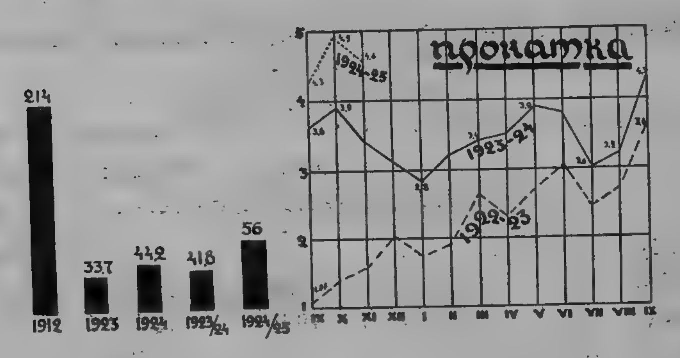
[1]) Данные уточнены по последнему статистическому подсчету.

№ 7.

металлургическое производство

в миллионах пудов

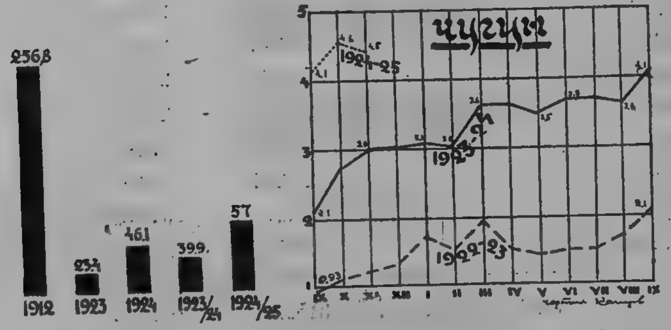

Диаграмма № 7 показывает производство металла. Пользоваться согласно объяснений, данных к диаграмме № 5.

Таблица к диаграмме № 7.

Выработка государственной металлургической и металлообрабатывающей промышленности (в миллионах пудов).

За календарные годы:	Чугун.	Прокат.	Мартен.
1912 год	256,8	214	259,3
1923 „	23,4	33,7	44,3
1924 „	46,1	44,2	69,4
За хозяйственный (предварительные):			
1923/24 год	39,9	41,8	60,6
План 1924/25 „	57	56	79

Помесячные данные, уточненные по последнему статистическому учету.

	Чугун (в тыс. пудов).		Прокат (в тыс. пудов).		Сталь (в тыс. пудов).	
	1922—23 г.	1923—24 г.	1922—23 г.	1923—24 г.	1922—23 г.	1923—24 г.
Октябрь	1.079	2.655	1.370	3.908	1.908	5.029
Ноябрь	1.222	2.981	1.555	3 393	2.368	5.194
Декабрь	1.317	2.996	2.011	3.090	2.631	4.758
Январь	1.682	3.046	1.718	2 762	2.376	4.701
Февраль	1.490	2.996	1.867	3.132	2.201	4.516
Март	1.881	3.596	2.639	3.364	2.869	5.038
Апрель	1.514	3.588	2.279	3.447	2.908	4.666
Май	1.417	3.451	2.673	3.839	3.786	5.440
Июнь	1.466	3.718	3.036	3.740	3.909	5.072
Июль	1.512	3.741	2.437	2.902	3.465	4.502
Август	1.673	3.605	2.699	3.201	3.312	4.973
Сентябрь	2.068	4.079	3.602	4.642	4.258	6.500
Итого	18.321	40.452	27.856	41.420	35.991	60.389

№ 8.

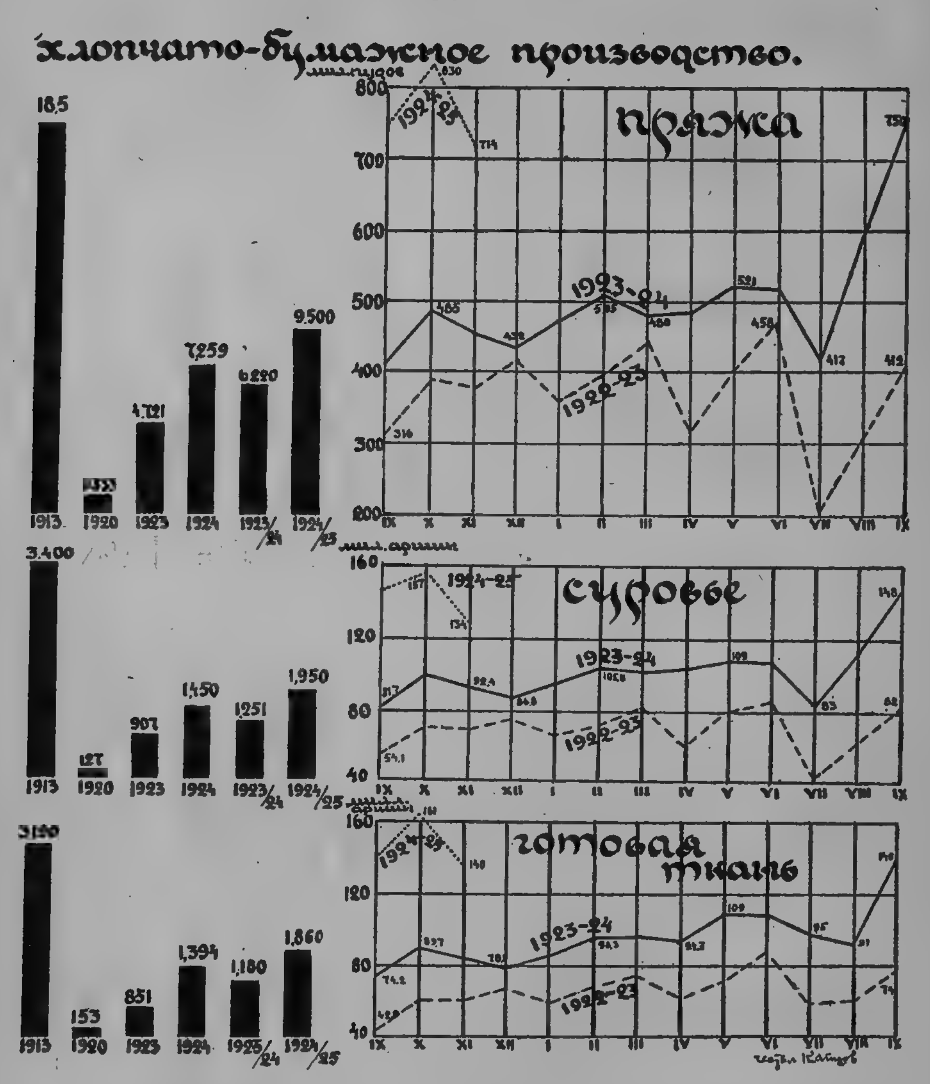

Диаграмма № 8 показывает хлопчатобумажное производство. Пользоваться согласно объяснений, данных к диаграмме № 5.

Таблица к диаграмме № 8.

Хлопчатобумажное производство.

(Выработка государственной промышленности в миллионах аршин).

	Пряжа.	Суровье.	Готовые ткани.
Календарные годы:			
1913 г.	18,5 милл. пуд.	3.400 милл. арш. (1912 г.)	3.190 милл. арш. (1912 г.)
1920 г.	0,833 „ „	127 „ „	153 „ „
1923 г.	4,721 „ „	907 „ „	851 „ „
1924 г.	7,259 „ „	1.450 „ „	1.394 „ „
Хозяйственные годы:			
1923/24 г.	6,220 милл. пуд.	1251,4 милл. арш.	1.180 милл. арш.
Производств. программа Цугпрома ВСНХ на 1924/25 г.	9,5 милл. пуд.	1.950 милл. арш.	1.860 милл. арш.
от довоенн.	50%	57%	58%

Помесячные данные о выработке (предварительные).

	Пряжа. (в сотн. тыс. пуд.)			Суровье (в милл. арш.)			Готовые ткани (в милл. арш.)		
	1922—23 г.	1923—24 г.	1924—25 г.	1922—23 г.	1923—24 г.	1924—25 г.	1922—23 г.	1923—24 г.	1924—25 г.
Октябрь . .	390	485	830	68,4	99,8	157,2	60,3	89,7	161
Ноябрь . .	380	451	714	71,7	92,4	134	59,3	83,3	140
Декабрь . .	415	432	800	77,4	86,8	152	65,9	78,3	165
Январь . .	357	475		68,1	95,2		58,3	83,5	
Февраль . .	397	505		74,4	105,8		66,4	96,3	
Март . . .	443	480		88,1	102		72,6	95,1	
Апрель . .	319	485		64,1	103		59,8	94,3	
Май	404	521		83,2	109		70,0	109	
Июнь . . .	475	518		90,0	108		86,4	108	
Июль . . .	256	417		40,4	83		55,6	95	
Август . .	315	594		62,3	118		57,6	91	
Сентябрь. .	422	750		82,9	148		74,2	140	
Итого. .	4.573	6.113	—	871,0	1251,0	—	786,4	1163,5	—

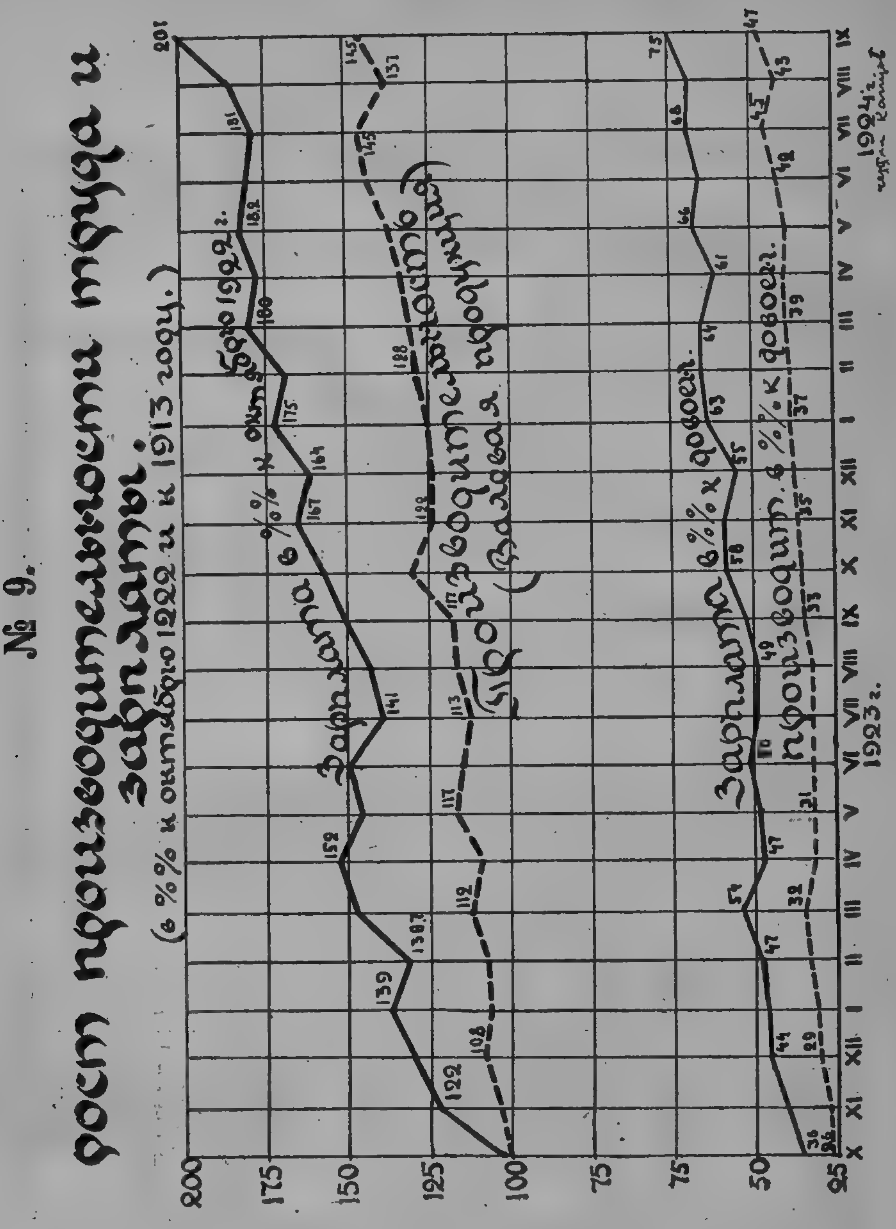

Диаграмма № 9 изображает рост дневной выработки на 1 рабочего и его дневного заработка в процентах (проценты обозначены цифрами с левой стороны и над кривыми) как к октябрю 1922 г., так и к довоенному времени. Пример: заработная плата в октябре 1922 г. принята за 100%, а в сентябре 1924 года она составляет уже не 100%, а 201%, т.-е. выросла на 101%; выработка же со 100% в октябре 1922 г. выросла до 145%, т.-е. увеличилась лишь на 45% против 101% увеличения в заработной плате.

Таблица к диаграмме № 9.

Производительность труда и зарплата.

Валовая продукция на 1 чел.-день за 1922—23 и 1923—24 хоз. годы по довоенным ценам по всей промышленности (данные Госплана) и дневной заработок 1 рабочего по СССР (данные Центр. Бюро Статистики Труда)

МЕСЯЦЫ.	Производ. труда.		Зарплата.	
	В %% к октябрю 1922 г.	К довоенному (данные Госпл.).	В %% к октябрю 1922 года.	К довоенному (данные Госплана).
Октябрь 1922 г. . .	100,0	25	100	36
Ноябрь „ . .	101,1	27	122	40
Декабрь „ . .	108,2	29	125,8	44
Январь 1923 г. . .	106,2	27	139,3	45
Февраль „ . .	107,5	30	138,7	47
Март „ . .	112,8	31	147,5	54
Апрель „ . .	109,4	27	152,1	47
Май „ . .	117,4	30	146,5	48
Июнь „ . .	116,2	29	148,2	50
Июль „ . .	113,0	24	141,0	49
Август „ . .	114,8	28	143,3	49
Сентябрь „ . .	117,0	32	150,7	50
Октябрь „ . .	120,8	33	157,2	58
Ноябрь „ . .	122,8	34	167,3	58
Декабрь „ . .	122,8	35	164,0	55
Январь 1924 г. . .	123,3	35	175,3	63
Февраль „ . .	128,5	37	174,5	64
Март „ . .	130,1	40	180,2	61
Апрель „ . .	133,6	37	177,8	61
Май „ . .	137,0	39	182,7	66
Июнь „ . .	139,3	38	181,9	65
Июль „ . .	145,7	33	181,1	68
Август „ . .	137,0	40	186,6	68
Сентябрь „ . .	145,9	44	201,3	75

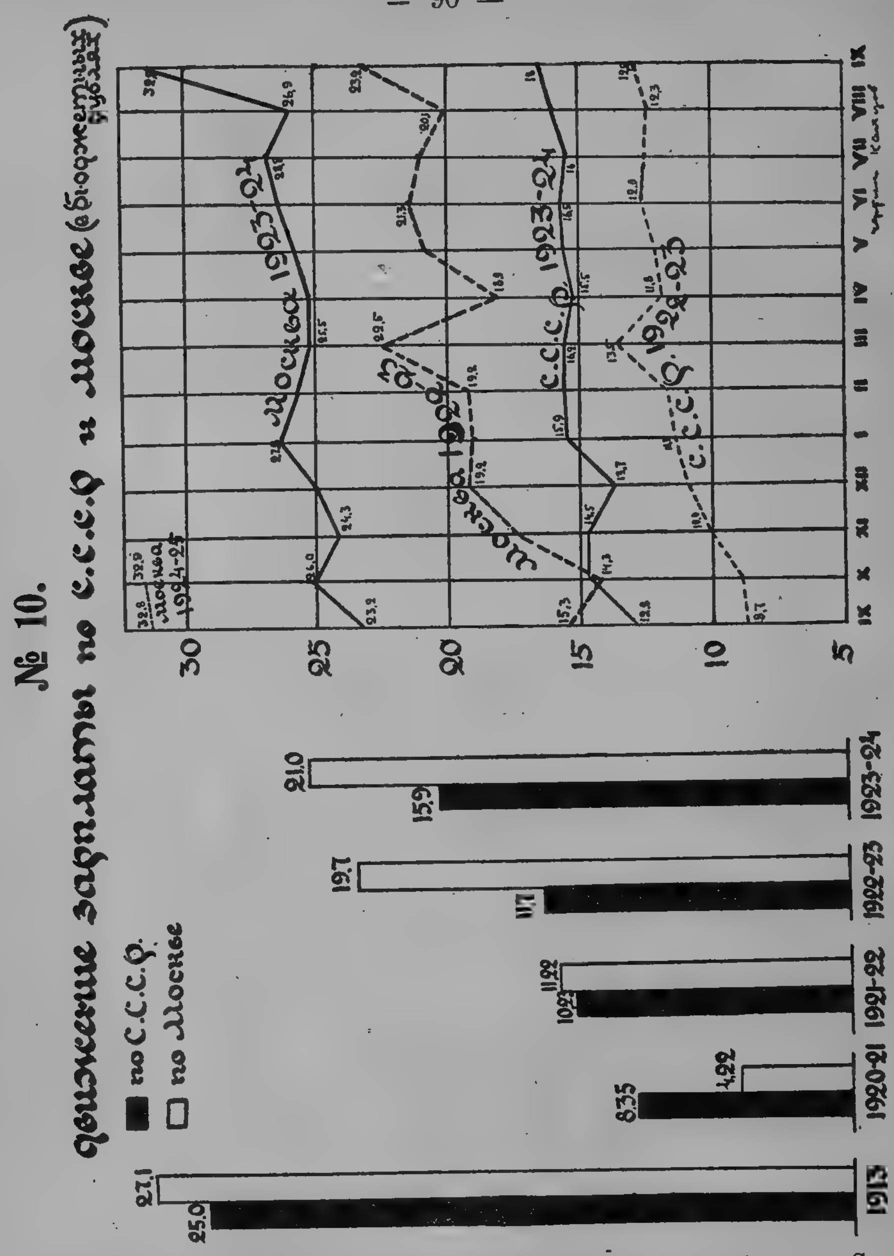

Диаграмма № 10 показывает месячную заработную плату рабочих по Союзу (черный столбик) и по Москве (белый столбик) в бюджетных рублях, т.-е. в рублях с покупной силой довоенного времени. Столбики левой стороны диаграммы показывают, сколько в среднем в таком-то году получал в месяц рабочий. Кривые линии диаграммы показывают тоже по годам и в данном году по месяцам заработную плату рабочего как по Союзу, так и по Москве.

Таблица к диаграмме № 10.

Движение зарплаты по СССР и Москве.

МЕСЯЦЫ.	СССР (в бюдж. руб.).			Москва (в бюдж. руб.).		
	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
X	8,95	14,5	—	14,35	26	32,9
XI	10,05	14,5	—	17,38	24,3	—
XII	10,95	13,7	—	19,22	24	—
I	11,3	15,9	—	19,1	27,8	—
II	11,7	16,3	—	19,2	26,5	—
III	13,5	16,2	—	22,5	25,5	—
IV	11,8	15,5	—	18,1	25,5	—
V	12,1	16,3	—	20,8	26,6	—
VI	12,6	16,5	—	21,3	27,7	—
VII	12,4	16	—	21	28,8	—
VIII	12,3	17	—	21	26,9	—
IX	12,8	18	—	23,2	32,8	—
1913 г. 25,0				1913 г. 27,1		

Средне-годовая по Союзу:		Средне-годов. по Москве.	
1922/23 г.	1923/24 г.	1922/23 г.	1923/24 г.
11,7 р.	15,9 р.	19,7 р.	21,9 р.

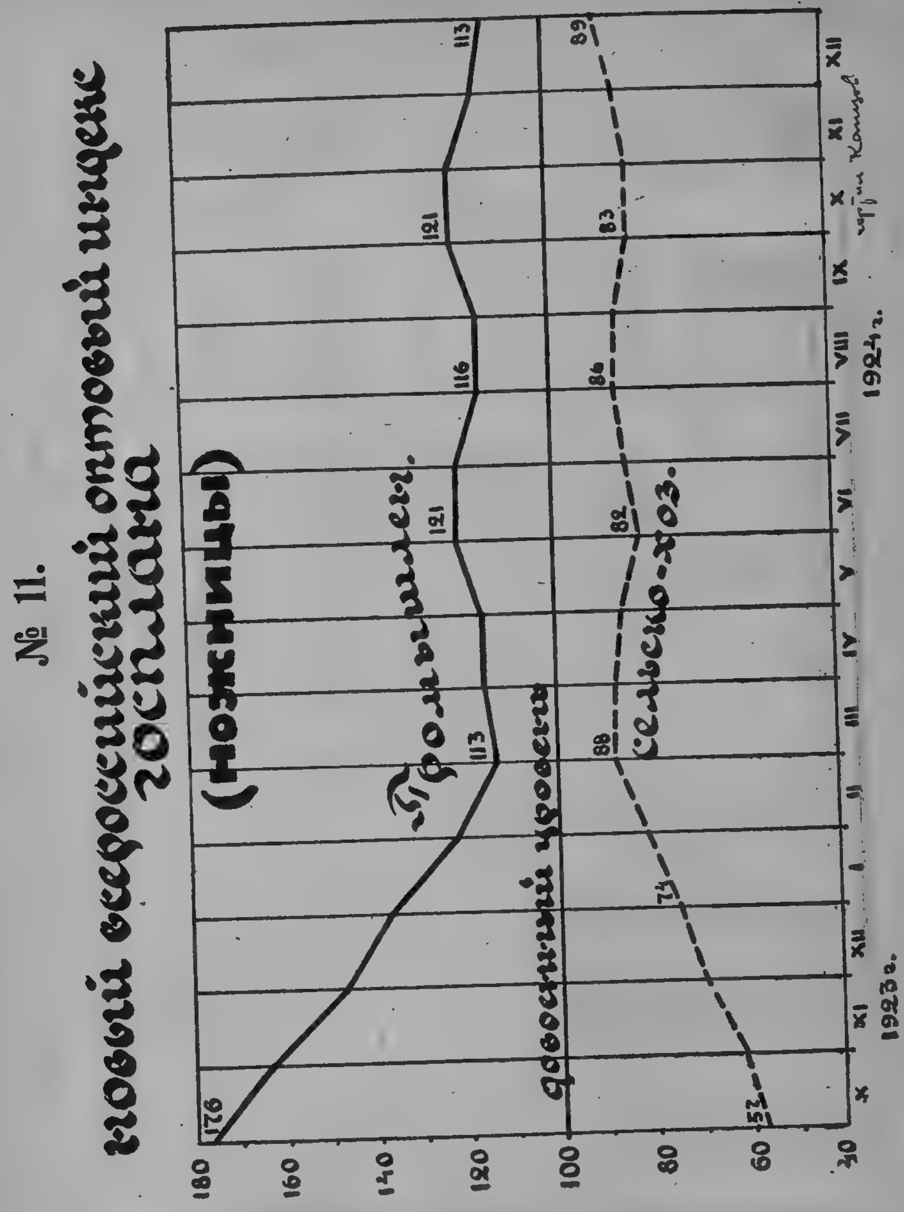
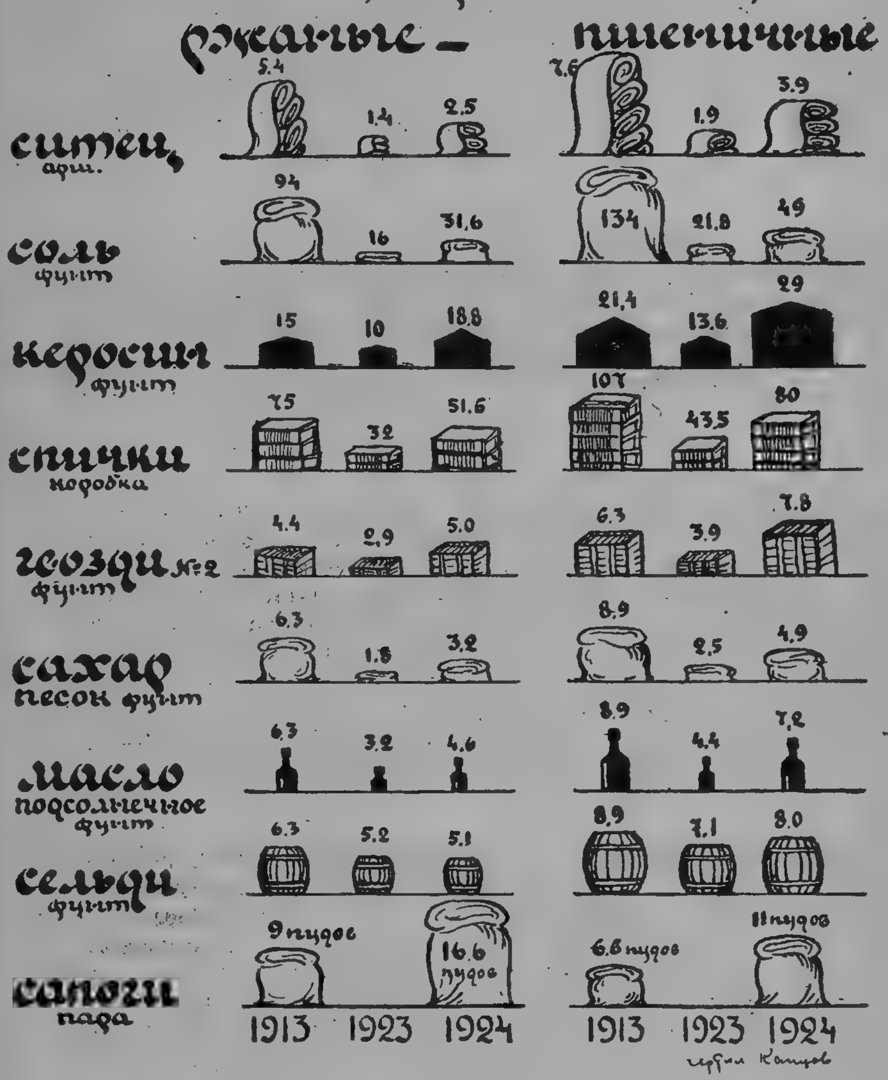

Диаграмма № 11 изображает отношение цен на промышленные и с.-х. товары по сравнению с довоенным временем, принятым за 100% (% обозначены с левой стороны диаграммы; снизу проставлены год и м-ц), т.-е., если промышленные товары в довоенное время стоили рубль, то в октябре 1923 г. — 1 р. 76 к., а после целого ряда мер со стороны рабоче-крестьянского правительства понижены до 1 р. 13 к. Цены же на сельскохозяйственные продукты, за которые в октябре 1923 года платили только 53% довоенного (или 53 к. за довоенный рубль), к 1-му января 1925 г. повышены до 89%. Кривая линия вверху показывает, как опускаются цены на промышленные товары, приближаясь к довоенному уровню, а нижняя кривая с.-х. цен идет вверх. достигнув того расстояния от промышленных цен, которое существует после войны во всех странах, так как деньги везде подешевели,

№ 12.

Хлебные эквиваленты.

оптовые хлебные эквиваленты на розничные цены промышленных товаров.

Объяснение к диаграмме № 12 см. на стр. 94.

Объяснения к диаграммам №№ 12, 13, 14 и 15.

Диаграмма № 12 показывает, сколько на 1 пуд ржи или пшеницы можно было купить того или иного товара в довоенное время, в 1923 г. и в 1924 г. (года обозначены внизу, а род и количество товара, получаемого крестьянством, указаны с левой стороны диаграммы). Цены для ржи и пшеницы взяты оптовые, по которым крестьянин продает хлеб в губернском городе, а цены промышленных товаров—розничные губернских городов, по которым крестьянин покупает промышленные товары. Пример: керосина в 1913 г. крестьянин за пуд хлеба получал 15 ф., а в 1924 г. (взят ноябрь м-ц) он получает 18,8 ф.

Диаграмма № 13 обозначает, какой план заготовок хлеба (в миллионах пудов) был намечен правительством первоначально (см. цифру — конец кривой „старый план"—сплошная линия), и сколько предполагается закупить по сокращенному плану (см. цифру — конец кривой „новый план" — линия обозначена черточками), и как выполнен план за время до 1-го января по месяцам (м-цы обозначены снизу диаграммы, выполнение обозначено точками).

Диаграмма № 14 показывает подекадное поступление с.-х. налога и закупку хлеба в 1924 году. Снизу диаграммы показаны м-цы, а с левой стороны проставленные цифры указывают количество миллионов пудов для хлебозаготовок и рублей для с.-х. налога (цифры проставлены и над кривыми, кои различаются надписями); сплошная линия обозначает с.-х. налог, а линия точками — хлебозаготовки. Пример: в последней октябрьской декаде (по хлебозаготовкам сведения поступают по десятидневкам), т.-е. с 22 по 31 октября, заготовлено 16,8 милл. пуд., а с.-х. налога собрано (сведения поступают по неделям) за 4-ю неделю, т.-е. с 23 по 31 октября, 47 милл. руб. Внизу показаны цены на хлеб в копейках по месяцам.

Диаграмма № 15 изображает в миллионах червонных рублей, на какую сумму помесячно было заключено на Московской или в среднем по 40 провинциальным биржам торговых сделок (куплено – продано). М-цы обозначены снизу диаграммы, с левой стороны и надписями над линиями обозначены цифры в миллионах рублей. Пример: если нам нужно сравнить торговый оборот провинции в сентябре 1924 г. с октябрем 1922 г., то мы по кривой „40 провинциальных бирж" против нижней цифры, означающей м-ц октябрь 1922 г. (X-1922 г.), найдем 9,5 милл. рубл., а против сентября 1924 г. (IX-1924 г.) видим 149,5 милл. р., что позволяет нам из сравнения этих двух цифр видеть, во сколько раз выросла торговля.

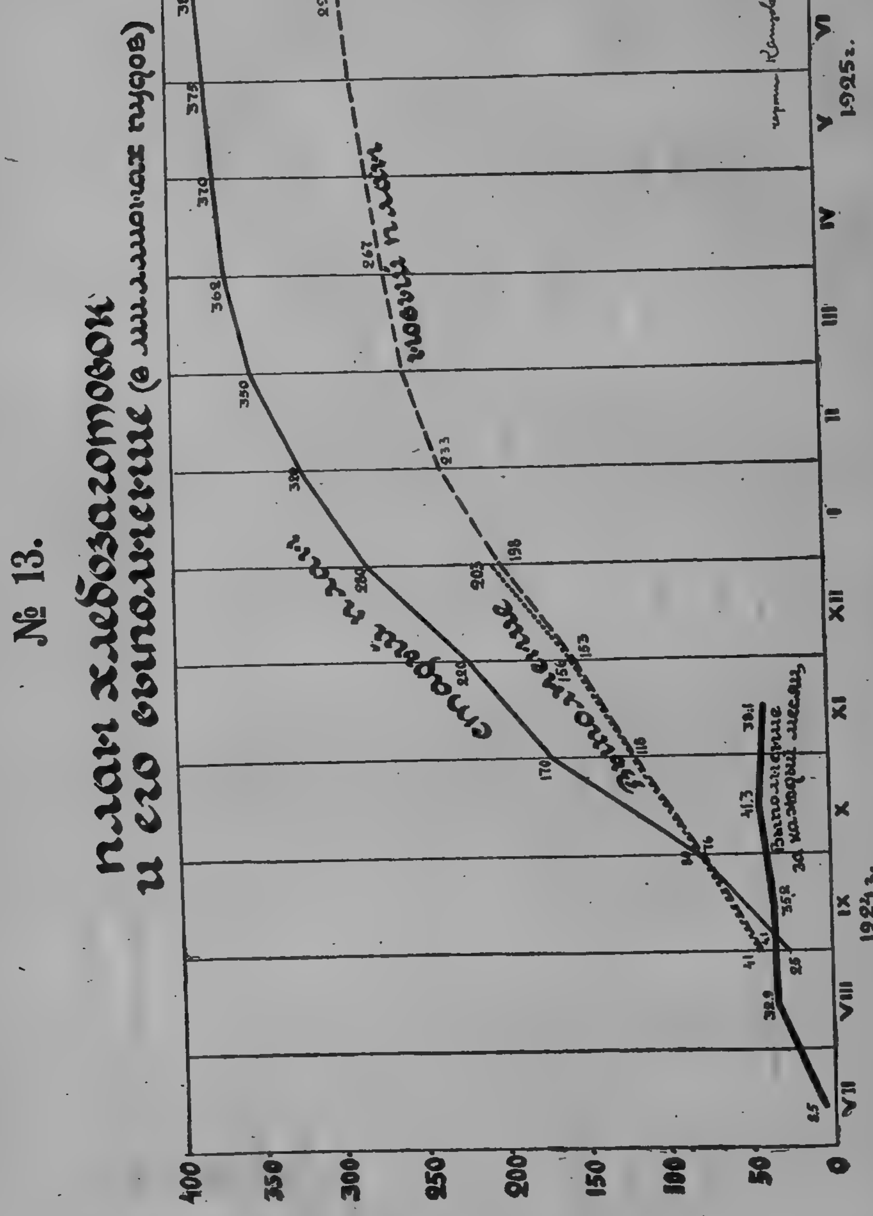
Таблица к диаграмме № 12.

Хлебные эквиваленты.

	За 1 пуд ржи можно было получить			За 1 пуд пшеницы можно было получить		
	1913 г.	1923 г.	Ноябрь 1924 г.	1913 г.	1923 г.	Ноябрь 1924 г.
Розничные.						
Ситец	5,4 арш.	1,4 арш.	2,5 арш.	7,6 арш.	1,9 арш.	3,9 арш.
Соль	94 ф.	16 ф.	31,6 ф.	134 ф.	21,8 ф.	49 ф.
Керосин	15 ф.	10 ф.	18,8 ф.	21,4 ф.	13,6 ф.	29 ф.
Спички	75 кор.	32 кор.	51,6 кор.	107 кор.	43,5 кор.	80 кор.
Гвозди № 2	4,4 ф.	2,9 ф.	5 ф.	6,3 ф.	3,9 ф.	7,8 ф.
Сахарный песок	6,3 ф.	1,8 ф.	3,2 ф.	8,9 ф.	2,5 ф.	4,9 ф.
Масло подсолнечное	6,3 ф.	3,2 ф.	4,6 ф.	8,9 ф.	4,4 ф.	7,2 ф.
Сельди	6,3 ф.	5,2 ф.	5,1 ф.	8,9 ф.	7,1 ф.	8 ф.

Сапоги за пару в 1913 году платили 9 пуд. ржи или 6,6 пуд. пшеницы

Сапоги за пару в 1924 году платили 16,6 п. ржи или 11 пуд. пшеницы.

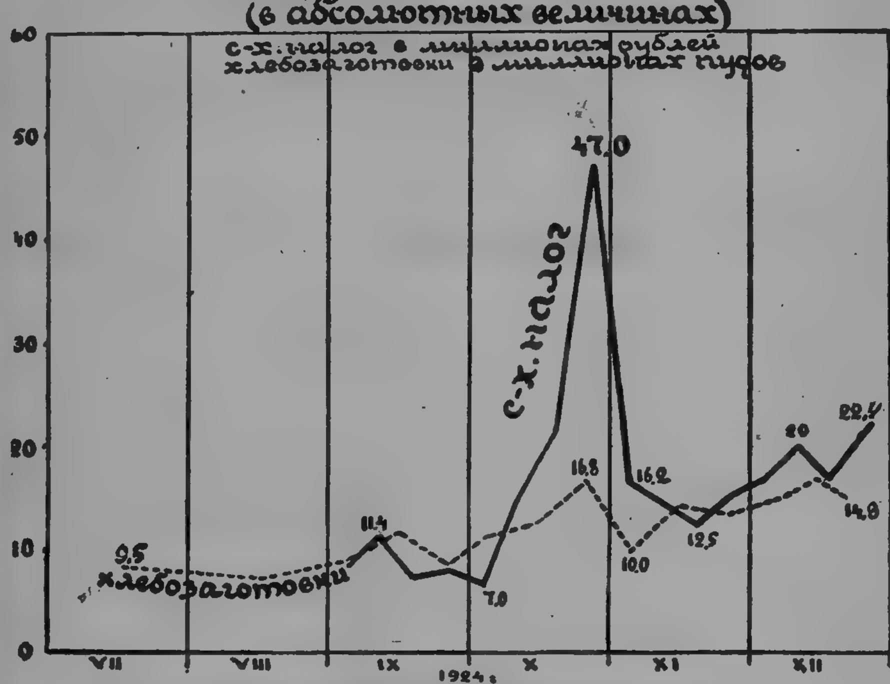

Объяснение к диаграмме № 13 см. на стр. 94.

№ 14.

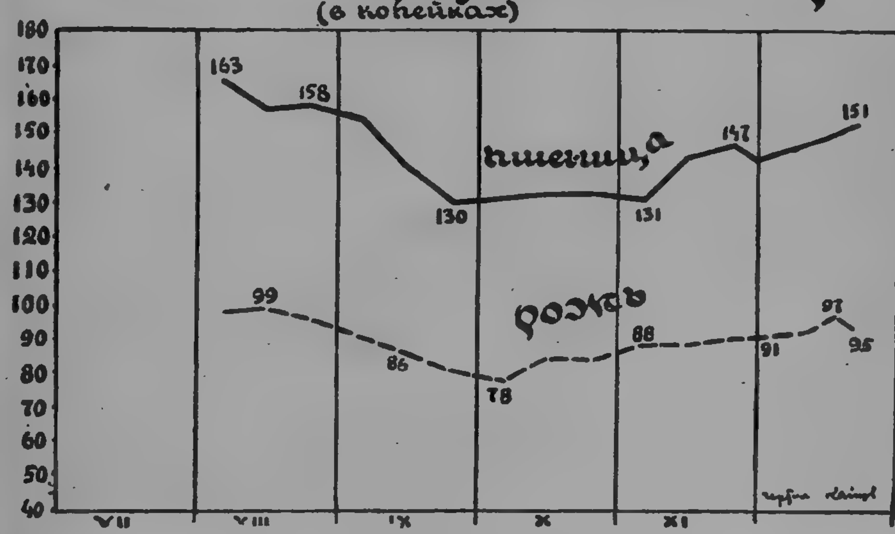
Ход хлебозаготовок и сбора с-х. налога по С.С.С.Р.

(в абсолютных величинах)

Оптово-рыночные цены средние по С.С.С.Р.

(в копейках)

Объяснение к диаграмме № 14 см. на стр. 94.

Таблица к диаграммам №№ 13 и 14.

План хлебозаготовок и его выполнение (в пудах) и сведения по сельхозналогу.

На 1-е янв. назначено; по старому плану хлебозаготовок . 280.000.000 пуд.
" " " " по новому плану " . 198.000.000 "
Заготовлено . . . . 203.000.000 "

Заготовка по месяцам.

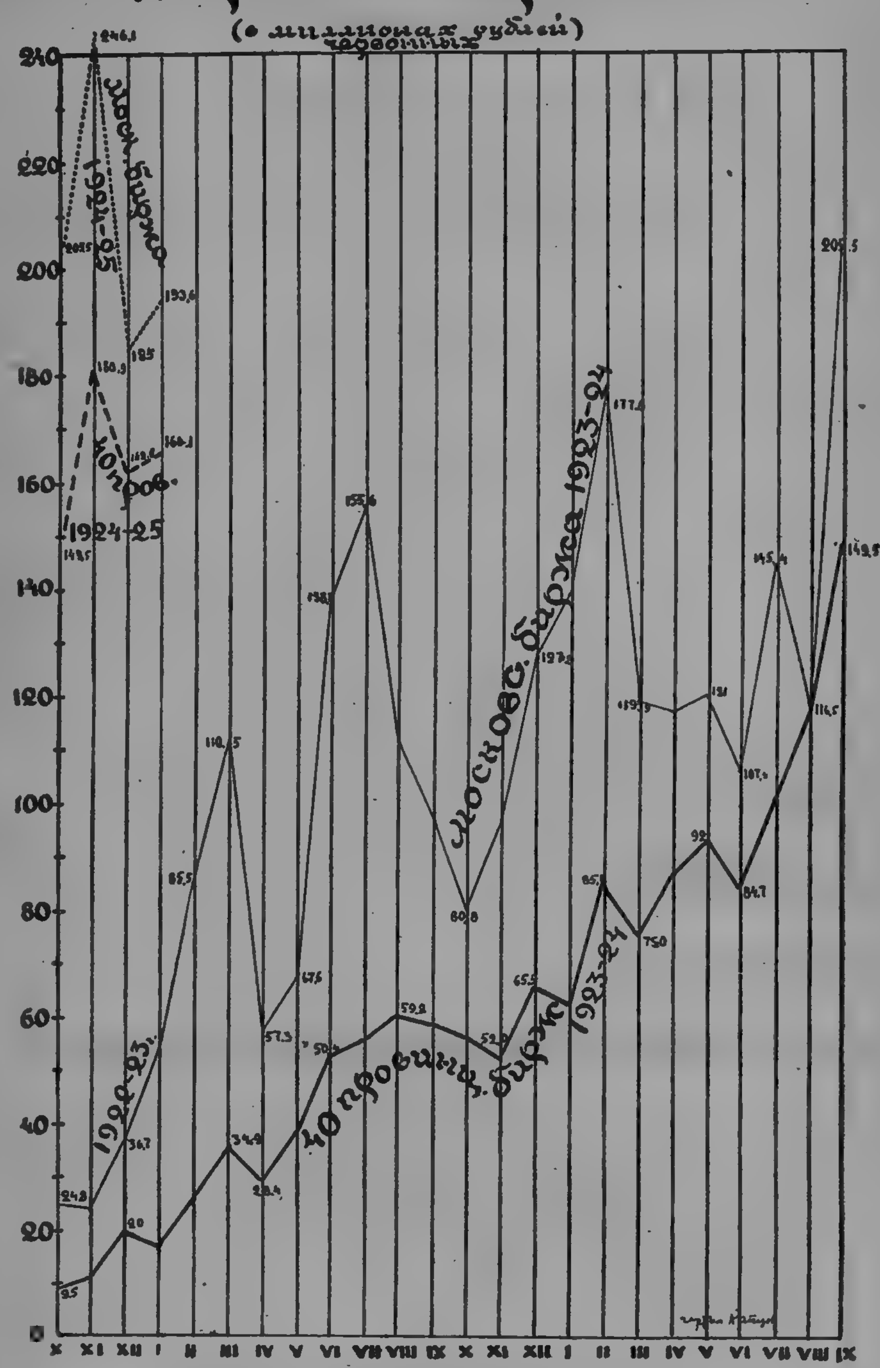
Июль-август	41,5	милл. пуд.
Сентябрь	35,1	" "
Октябрь	41,2	" "
Ноябрь	38,1	" "
Декабрь	46	" "

Поступление с.-х. налога (по неделям).

Сентябрь	1—7	8,4	милл. руб.
	8—15	11,4	" "
	16—22	7,4	" "
	23—30	8,0	" "
Октябрь	1—7	7,0	" "
	8—15	15,0	" "
	16—22	21,6	" "
	23—31	47,0	" "
Ноябрь	1—7	16,2	" "
	8—15	14,5	" "
	16—22	12,5	" "
	23—30	15,2	" "
Декабрь	1—7	16,5	" "
	8—15	20,0	" "
	16—22	17,6	" "
	23—31	22,5	" "
Январь	1—7	13,3	" "
	8—15	12,4	" "
	16—22	7,8	" "
	23—31	10,6	" "

	По плану назначено:	Поступило:
к 1 ноября	148 милл. руб.	127 милл. руб.
к 1 января	242 " "	256 " "

№ 15. Торговые обороты.

Объяснение к диаграмме № 15 см. на стр. 94.

Таблица к диаграмме № 15.

Обороты Московской и 40 провинциальных бирж

(в миллионах червонных рублей).

Месяцы.	МОСКОВСКАЯ.			40 ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ.		
	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
X	24,8	80,8	246,1	9,5	56,4	180,9
XI	24,1	96,2	185,5	11,0	52	162,8
XII	36,7	127,8	—	19,4	65,5	—
I	55,6	138,2	—	16,9	62,3	—
II	85,5	177,6	—	26,3	85,1	—
III	110,5	119,9	—	39,4	75	—
IV	57,3	118,4	—	28,4	85,6	—
V	67,6	121,0	—	37,9	92,0	—
VI	138,1	107,4	—	50,4	84,7	—
VII	155,6	145,4	—	55,4	100,8	—
VIII . . .	113,3	116,5	—	59,2	116,9	—
IX	98,1	205,5	—	58	149,5	—

Обороты за хозяйственные годы.

1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
972,7	1.554,7	—	410,4	950,7	—

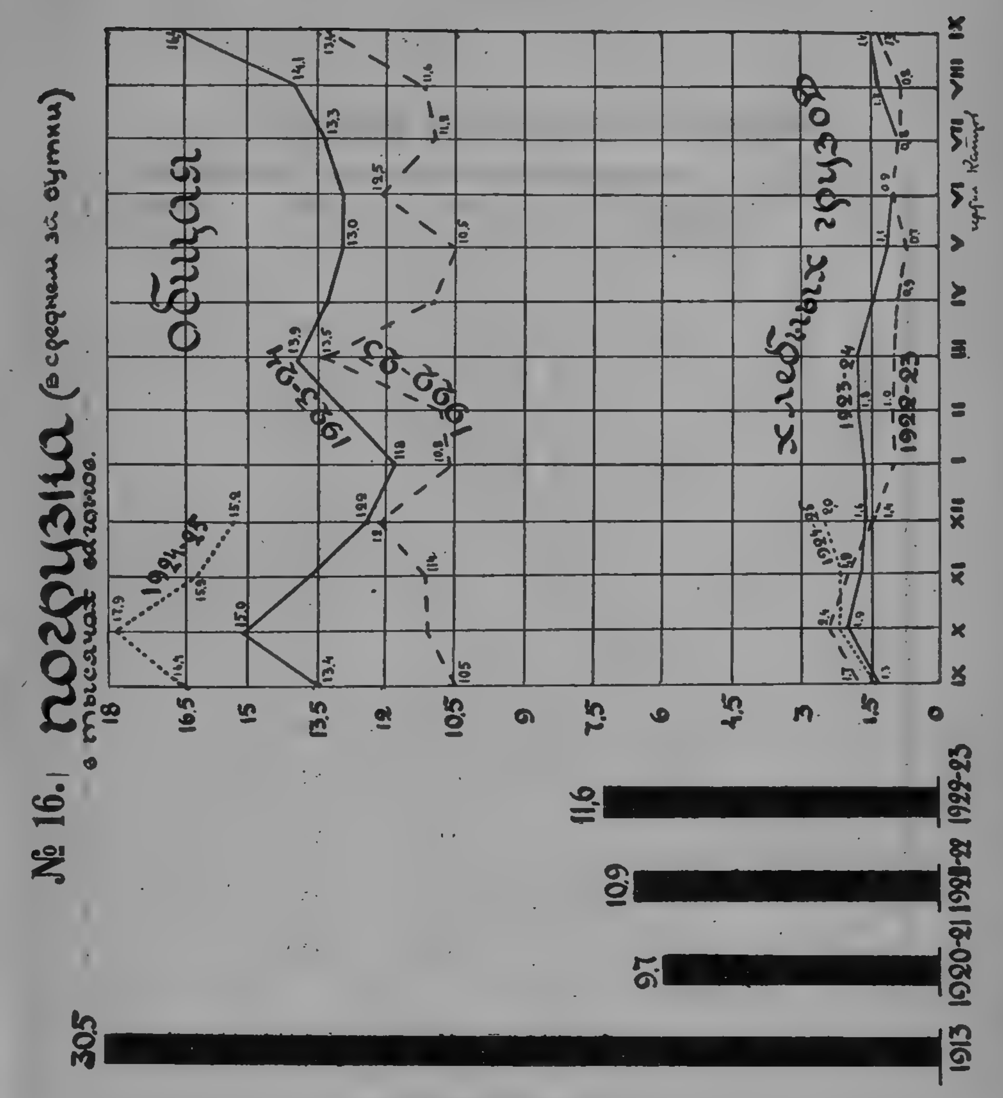

Диаграмма № 16 показывает столбиками, помещающимися с левой стороны диаграммы, сколько в приведенных на диаграмме годах грузилось в среднем на железных дорогах в сутки в тысячах вагонов. Кривые линии показывают движение товарных грузов за сутки в среднем по месяцам трех лет: 1922/23 г. (смотрите линию коротких черточек), 1923/24 г. (смотрите сплошную линию) и 1924/25 г. (смотрите точки). Месяцы обозначены внизу диаграммы. Отдельно показано движение хлебных грузов.

Таблица к диаграмме № 16.

Погрузка в тысячах вагонов средне-суточная.

МЕСЯЦЫ.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
X	10,5	13,4	16,4
XI	11,4	13,5	15,9
XII	12,2	12,2	—
I	10,6	11,8	—
II	10,8	12,9	—
III	13,5	13,9	—
IV.	11,2	13,4	—
V	10,5	13	—
VI	12,3	13	—
VII	112	13,3	—
VIII	11,6	14,1	—
IX	13,4	16,4	—

Погрузка средне-годовая.

1922/23 г.	1923/24 г.	1913 г.
11,6	13,5	30,5

Таблица А.

Число рабочих и стоимость продукции в довоенных и червонных рублях за 1912, 1923 и 1924 календарные годы.

(Данные Центрального Отдела Статистики ГЭУ ВСНХ СССР).

№№ по порядку.	Наименование отраслей промышленности.	Число рабочих [1]).			Стоимость продукции в тыс. довоенных рублей [1]).			Стоимость продукции в тыс. черв. рублей [1]).	
		1912 г.	1923 г.	1924 г.	1912 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
1	Каменноугольная [2]) .	155.008	163.680	161.237	141.072,5	72.217,4	86.267,2	161.610,2	152.740,0
2	Нефтедобывающая .	34.109	34.488	39.070	195.042,0	113.894,0	132.309,9	138.250,5	165.729,4
3	Металлическая . .	325.000	268.210	288.481	687.600,0	219.083,0	293.209,7	396.552,9	510.896,1
4	Хлопчатобумажная.	427.699	216.124	273.236	600.400,0	180.558,0	269.013,4	384.294,7	479.329,2
5	Шерстяная	73.229	50.900	55.997	117.600,0	74.332,8	95.430,3	197.502,5	202.629,5
6	Льняная енькова	85.900 [3])	70.208	81.419	115.342,2 [3])	86.910,3	94.298,3	157.775,7	190.874,3
	По всей крупной государственн. промышленн. в целом .	1.801.179	1.311.801	1.460.084	3.207.799,2	1.222.484,7	1.663.766,2	2.594.157,0	3.162.211,3

[1]) Сведения за 1924 г. предварительные.
[2]) Без Туркестана и Кавказа 1923 и 1924 г., кроме того, без арендованных шахт Донбасса.
[3]) Данные взяты за 1913 г.

Таблица Б.

Таблица цен, полученных крестьянином за хлеб в прошлом и нынешнем годах.

Сравнительная таблица средне-выведенных заготовительных цен по отдельным районам за 1923/24 и 1924/25 годы.

РАЙОНЫ ИЛИ ГУБЕРНИИ.	РОЖЬ.						ПШЕНИЦА.					
	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Украина	36 88	26 103	23 64	26 57	32 67	43 84	62 144	48 145	44 115	50 97	74 110	87 140
Юго-Восток	22 55	20 59	21 68	36 52	37 —	39 —	61 100	61 104	51 90	59 82	66 85	72 99
Крым	46 —	38 89	27 —	47 73	39 65	51 76	80 126	61 136	56 117	70 106	75 107	81 112
Сибирь	70 62	70 68	70 53	70 48	56 46	54 46	87 96	87 110	87 93	87 66	83 72	75 74
Рязанская	43 88	41 90	52 54	43 —	47 80	46 86	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Орловская	39 90	35 92	35 67	37 59	44 —	48 102	— —	— 145	— —	— —	— —	— —
Курская	44 73	47 109	31 65	31 —	38 —	46 106	— —	— 196	— 183	60 —	70 200	85 171
Тамбовская	40 91	42 96	34 58	32 60	43 105	42 104	— —	— —	— —	— 162	— 156	— —
Воронежская	31 73	31 80	30 71	35 —	36 110	43 109	71 175	66 137	48 130	60 —	60 178	78 169
Тульская	39 85	— —	30 61	33 53	39 58	43 80	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Уфимская	31 72	41 68	36 45	28 51	24 42	37 48	80 183	90 165	72 113	58 115	70 89	98 100
Казанская	51 78	49 83	46 62	44 51	41 63	49 61	83 —	— —	81 —	68 130	80 —	76 —
Саратовская	33 102	38 107	34 72	32 81	38 99	47 100	— —	73 186	66 164	55 166	55 168	74 169
Самарская	46 67	41 102	44 64	37 70	44 73	41 74	81 168	93 161	77 140	76 119	72 135	75 135
Оренбургская	— 98	— 85	— 52	— 49	— 53	— 53	— 140	— 123	— 94	75 97	62 97	72 103
Белоруссия	55 81	45 80	43 67	37 59	39 59	47 78	— 100	— —	— —	— —	— 110	— 108
Смоленская	76 84	50 85	43 79	37 69	39 75	47 101	— —	— —	— —	— —	— —	— —

РАЙОНЫ ИЛИ ГУБЕРНИИ.	ОВЕС.						ЯЧМЕНЬ.					
	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Украина	25 65	46 101	20 84	19 75	30 102	47 120	22 76	21 74	18 74	24 66	31 70	41 81
Юго-Восток	31 50	22 69	28 —	28 —	32 —	33 —	22 50	28 62	43 58	31 57	35 58	39 65
Крым	80 139	39 125	27 110	40 102	40 107	46 118	50 70	40 78	28 70	39 66	40 66	46 81
Сибирь	56 70	56 73	56 51	56 44	51 45	52 45	60 —	— 75	60 —	60 —	— —	60 —
Рязанская	67 130	41 100	25 —	31 —	35 —	41 101	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Орловская	34 106	28 96	31 69	35 55	40 75	44 110	— —	— —	25 —	33 —	38 —	41 —
Курская	43 —	40 107	24 86	25 —	30 —	41 —	— 100	— 60	26 —	30 —	36 —	44 —
Тамбовская	44 160	39 93	25 84	30 78	26 —	34 108	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Воронежская	32 —	32 91	25 89	30 —	32 —	45 111	20 116	20 104	26 —	27 —	32 139	40 —
Тульская	46 100	— 106	33 66	37 51	37 91	44 105	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Уфимская	21 180	29 68	28 40	20 38	31 35	33 50	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Казанская	43 50	38 58	44 41	34 43	35 52	39 56	— —	— —	— —	— —	— —	—
Саратовская	32 133	31 103	27 79	24 73	28 94	29 101	— —	—	— —	— —	— —	—
Самарская	40 —	40 60	31 56	34 58	40 —	39 72	— —	47 111	27 —	— —	— —	38 —
Оренбургская	— 100	— 108	— 61	41 54	35 58	64 61	— —	— 82	— —	39 55	32 55	42 —
Белоруссия	— 77	— —	— 57	29 56	40 60	44 74	— 80	— —	— —	— 68	— 73	— 86
Смоленская	99 —	44 72	— 66	34 64	36 66	45 97	— —	— 82	— —	— 56	— 78	— 99

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Первая строка по каждому району, культуре и месяцам содержит данные о цене за 1923/24 гг., вторая строка — те же данные за 1924/25 г.

2. Цены указаны в копейках франко ссыпной пункт.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИН, о ЛЕНИНЕ и о ЛЕНИНИЗМЕ.

Бухарин, Н. Революционный теоретик. 12 стр. Ц. 5 к.
Воронский, А. Ленин и человечество. 64 стр. Ц. 20 к.
Гиринис, С. Ленин о специалистах науки и техники. 38 стр. Ц. 20 к.
Деборин, А. Ленин как мыслитель. 87 стр. Ц. 45 к.
Еремеев, К. I. Ленин и рабочий класс. — II. Встречи с ним. 30 стр. Ц. 10 к.
Зиновьев, Г. Мировая партия ленинизма. 226 стр. Ц. 70 к.
Его же. В. И. Ленин. Биографический очерк. 31 стр. Ц. 15 к.
Его же. На смерть Ленина. Ц. 15 к.
Его же. В. И. Ленин. Гений, учитель, вождь и человек. 61 стр. Ц. 20 к.
Кржижановский, Г. О Владимире Ильиче. Ц. 18 к.
Крупская, Н. К. О Владимире Ильиче. 24 стр. Ц. 10 к.
Лелевич, Г. Ленин, как историк партии и революции. Ц. 20 к.
Ленин, Н. Задачи союзов молодежи. 36 стр. Ц. 15 к.
Ленин, В. И. О новой экономической политике. Статьи и речи. 227 стр. Ц. 75 к.
Ленин, Н. Карл Маркс. Биографический очерк и изложение марксизма. Ц. 15 к.
Ленин, Н. (К. Тулин). Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. (Отражение марксизма в буржуазной литературе.) 171 стр. Ц. 65 к.
Ленин, Н. и Плеханов, Г. Против А. Богданова. 168 стр. Ц. 60 к.
Ленин, В. И. Государство и революция. 127 стр. Ц. 35 к.
Ленин, Н. (В. И. Ульянов). Задачи рабочей печати. 95 стр. Ц. 45 к.
Его же. Коммунистический Интернационал. Статьи и речи. 344 стр. Ц. 1 р. 30 к.
Его же. Крах II Интернационала. 283 стр. Ц. 1 р. 30 к.
Его же. О войне 1914 — 1918 гг. 318 стр. Ц. 1 р. 45 к.
Ленин о национальном вопросе. 160 стр. Ц. 60 к.

1р. 50к

50 коп.

